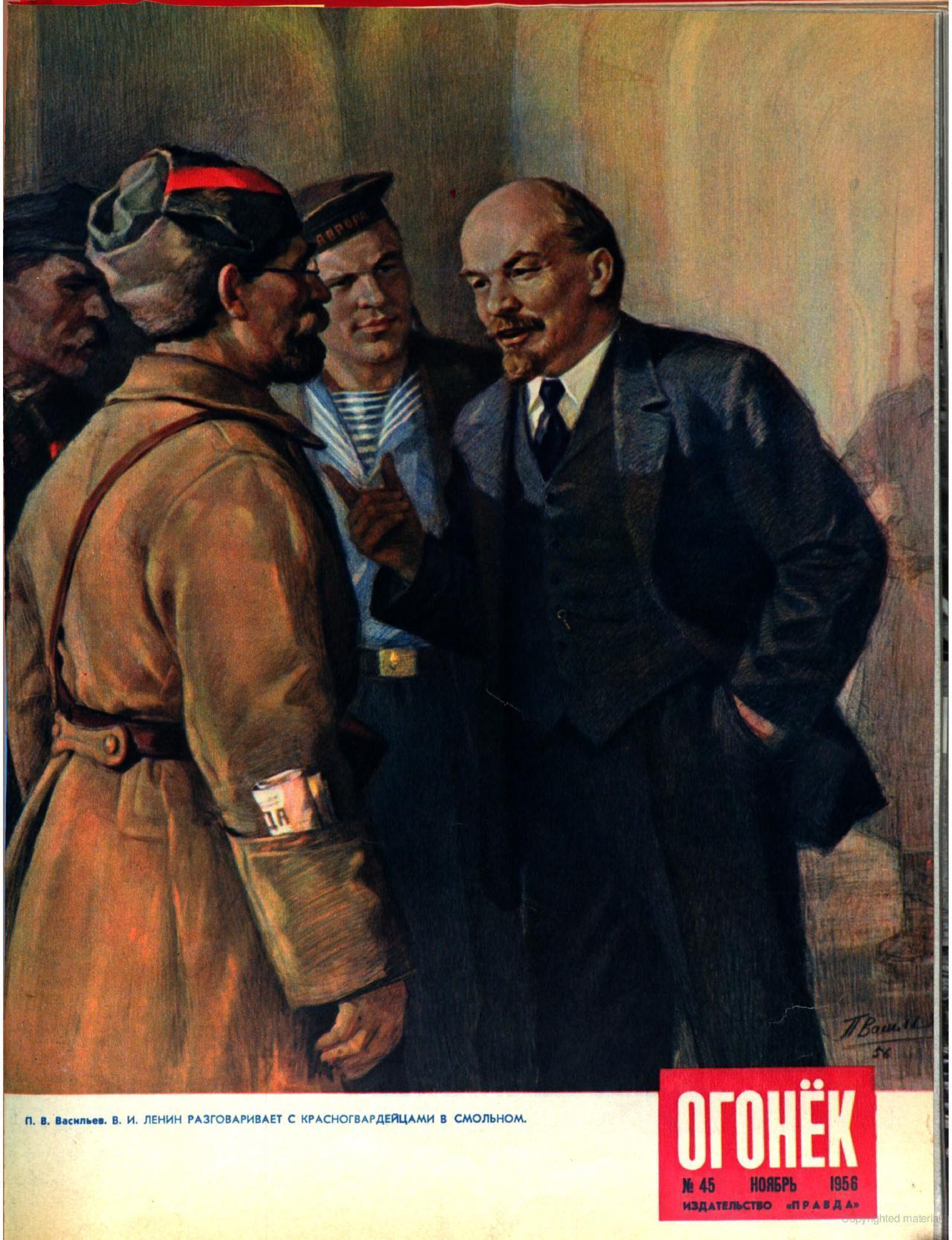

П. В. Васильев. В. И. ЛЕНИН РАЗГОВАРИВАЕТ С КРАСНОГВАРДЕЙЦАМИ В СМОЛЬНОМ.

ОГОНЁК

№ 45 НОЯБРЬ 1956

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ленинград. У исторической арки Главного штаба.

Фото Б. Уткина.

На последней странице обложки: фотокомпозиция Г. Петрусова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 45 (1534)
4 НОЯБРЯ 1956
34-й год издания
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 39-Я ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!

ВСЕГДА С ЛЕНИНЫМ!

Петрусь БРОВКА

Я не был на съезде Двадцатом,
Но в праздничном том феврале
Сердца наши, пусть без мандатов,
А все ж побывали в Кремле.

Под светлым, торжественным сводом
Сошлись мы, как в доме своем.
И Партия наша с народом
Вела разговор обо всем.

Слова западали нам в душу,
И там, как живой средь живых,
Присутствовал Ленин и слушал
Рассказ о свершеньях больших.

Партийное мудрое вече.
Беседа была горяча.
И с каждою новою речью
Светлело лицо Ильича.

Страна перед ним развернула
Свою неохватную ширь.
Он видел огни Барнаула,
Казахские степи, Сибирь,

Раздолье полей урожайных,
Обильных, как праздничный стол,
Слепящие фары комбайнов,
Сиянье разбуженных сел.

Он видел Отчизну богатой,
Сломившей насилье и тьму.
Такою в мечтаньях когда-то
Она представлялась ему.

Он видел, как в сбывшейся сказке,
Запруженную Ангару,
Строителей станции Братской,
Людей на студеном ветру.

Живой, он слыхал, как и все мы,
Немолкнущий грохот работ
В краю, где волнуется Неман,
Где Сож, голубея, течет.

Он видел, как трудится атом,
Сияя мильонами звезд,
И полюс, метелью объятый,
Где зорок полярников пост.

Он видел, страна возмужала,
Окрепла, идущая ввысь.
Мы бед испытали немало,
Но силой зато налились.

Бывало порой трудновато,
И голодно было подчас.
Костюмов покрой мешковатый
Не очень-то радовал глаз.

Но шли мы навстречу невзгоде,
Ведомые целью большой,
Одеты, пускай, не по моде,
Но с цельной и чистой душой.

Мы верим в грядущее свято,
Мы новых достигнем высот.
...Наш Ленин на съезде Двадцатом
Пути указал нам вперед.

* * *

Шагая нелегкой дорогой,
Свой груз не снимая с плеча,
Стараемся быть хоть немного
Похожими на Ильича.

Как Ленин, жить скромно и просто,
Все вкладывать в дружбу и труд.
И слышится Ленина поступь,
Когда коммунисты идут.

Повсюду на нашей планете
Он старым и малым знаком.
...Я в Праге на празднике встретил
Мальчонку с багряным флажком.

Шагал он исполнен отваги,
Светился от радости он.
Был Ленин на маленьком флаге
Старательно изображен.

Ведомый рукою отцовой,
Был хлопец совсем еще мал,
Но, первое вымолвив слово,
Он Ленина имя узнал.

Гибернскую улицу с детства
Малыш посещает с отцом
И дом, что пражанам известен,—
Музей помещается в нем.

О Ленине воспоминанья
Там стены и вещи хранят...
Идет пятилетний пражанин,
Недетским волненьем объят.

Мы спаяны ленинской волей,
Мы движемся — выше, вперед,—
И я,
И мой сын-комсомолец,
И внук, что за нами пойдет.

Есть крепкие сплавы, на славу
Испытанные огнем.
Но более крепкого сплава,
Чем Партия, мы не найдем.

Чистейший родник серебрится,
Под солнцем лучится струя.
Но чище прозрачной криницы
Ты, Партия, совесть моя.

Могучие горные кряжи
Царят над простором равнин.
Но выше, чем Партия наша,
На свете не сыщешь вершин.

В раздумье, в волненье глубоком
Я нынче об этом пою,
Мечтая, чтоб скромные строки
Звучали в сплоченном строю,

Встречались с сердцами людскими
И с каждою встречею вновь
Великое славили имя,
Высокую нашу любовь.

Перевел с белорусского Я. Хелемский.

Из поэмы.

ЭТИХ ДНЕЙ

Тридцать девять лет отделяют нас от того дня, когда народ, руководимый Коммунистической партией, совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Но сколько бы времени ни прошло, наш народ бережно хранит и никогда не забудет подробностей тех славных событий, подробностей, которые так волнующи и так дороги каждому советскому человеку.

Редакция обратилась к участникам революционных событий с просьбой поделиться с читателями «Огонька» воспоминаниями о незабываемых днях Октября 1917 года.

Их рассказы, записанные нашими корреспондентами, публикуются на этих страницах.

Путиловцы идут к Зимнему...

В. В. ВАСИЛЬЕВ,
бригадир механического цеха Кировского завода, член КПСС с 1932 года.

В. В. Васильев. 1917 год.

В Питере в ту пору организовалась Красная гвардия. На Путиловском шел отбор рабочих в красногвардейские отряды; я записался в пулеметчики. Мы обучались на заводском полигоне, патрулировали днем и ночью район, несли охрану VI съезда партии.

Вечером 24 октября в клуб рабочей молодежи пришел мой товарищ рабочий Вася Алексеев, радостный и возбужденный, собрал нас и сказал:

— Завтра выступаем.

Тут же отправились мы на завод, дали знать ребятам. Не заходя домой, я поспешил в свою пулеметную команду. В ту ночь я не спал, а готовил «Максим» к бою. За окном хлестал осенний дождь. Под утро из районного штаба Красной гвардии прибежали связные:

— Выходи строиться!

Снесли мы на руках со второго этажа наш пулемет во двор, пристроились, согласно указанию, позади отряда, направляющегося к Зимнему дворцу, и пошли через темный город с песней «Смело, товарищи, в ногу!». Достигли Морской. Здесь матрос, распределявший отряды, направил нас к Адмиралтейству. Между Александровским садом и зданием Адмиралтейства против узорной ограды Зимнего дворца уже залегла цепь. Тут-то и установил я свой пулемет.

Занимался день, дождливый, хмурый. Мы поддерживали пулеметными очередями огонь, который временами вела по юнкерам цепь. Ждали часа решительной атаки.

...Стемнело. По площади, по дворцу, по поленнице, сложенной юнкерами, шарили лучи прожекторов. Вот послышался громовой удар со стороны Невы... «Аврора»! В ответ орудийному выстрелу грянуло «ура». Оно неслось со всех сторон. Из-под арки Главного штаба, от Адмиралтейства бежали матросы, красногвардейцы, солдаты. Они перебирались через поленницу, раскрывали ворота дворца, влезали в окна, проникали во дворец.

— Вот здесь мы сражались 39 лет назад,— говорит пионерам В. В. Васильев.

Кронштадтский десант

И. П. ФЛЕРОВСКИЙ,
пенсионер, член КПСС с 1905 года.

25 октября Кронштадт по приказу Петроградского Военно-революционного комитета направил свои силы в Петроград. Флагманом судов с десантом был минный заградитель «Амур». На нем помещался революционный штаб.

На Неве, вблизи Николаевского моста (теперь мост лейтенанта Шмидта), мы увидели уже развернувшуюся «Аврору». «Амур» стал ближе к мосту. Скоро к нам прибыл член руководящей тройки по осаде Зимнего дворца тов. Антонов-Овсеенко. По его указанию мы послали большую часть нашего десанта на окружение дворца. Он сообщил нам, что, стремясь обойтись без кровопролития, Военно-революционный комитет посылает Временному правительству, заседавшему в Зимнем дворце, ультимативное требование о сдаче. Мы договорились, что в случае отклонения ультиматума Петропавловская крепость даст нам сигнальный холостой выстрел, мы ответим холостым же и, получив новый сигнал, откроем уже боевую стрельбу по дворцу.

Однако оказалось, что «Амур» стрелять не может: на линии его выстрела лежал Николаевский мост. Мы запросили «Аврору», может ли она стрелять. С крейсера ответили положительно.

Между 9 и 10 часами Петропавловская крепость дала сигнальный холостой выстрел. «Аврора» немедленно ответила холостым же выстрелом из носового шестидюймового «Кане».

И вот новый гонец-матрос, уже из Зимнего, принес радостную весть: «Дворец взят! Правительство арестовано!»

На следующий вечер — 26 октября — на съезде Советов я видел, с каким восторгом переполненный зал Смольного встречал Владимира Ильича, как горячо приветствовались исторические декреты.

И. П. Флеровский. 1918 год.

И. П. Флеровский в гостях у моряков. 1956 год.

Нерасторжимый союз

В. И. ГУРЬЕВ,
рабочий Кировского завода, член КПСС с 1924 года.

В февральские дни 1917 года я, рабочий Семянниковского завода, служил в 4-й роте гвардейского Павловского полка. Казармы его находились у Марсова поля. Нам было приказано стрелять по демонстрантам, но мы наотрез отказались выполнить преступную команду и открыли огонь по конной жандармерии. Началось братание солдат и рабочих.

Смелое революционное выступление гвардейцев-павловцев пришлось по душе рабочим Петрограда. Путиловцы преподнесли нам вышитое золотом знамя. На знамени — слова: «Да здравствует Российская революция, как пролог к социальной революции в Европе! Клянемся под этим знаменем добиться братства всех народов».

И мы остались верны нерушимому союзу рабочих и солдат. Когда рабочие и матросы шли на штурм Зимнего, мы тоже были вместе с ними. Наш полк расположился на Миллионной и выдвинул свои отряды в прилегающие к ней

В. И. Гурьев в Музее Октябрьской революции у знамени. Октябрь 1956 года.

НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА!

улицы и переулки. Со знаменем, врученным нам рабочими, мы ворвались в Зимний...

Недавно меня пригласили в Музей Октябрьской революции. Он еще только организуется, и у меня хотели узнать, это ли знамя, которое я вместе с другими солдатами принимал из рук рабочих-путиловцев 1 октября 1917 года.

— Узнаете? — спросили у меня.

— А как же! На всю жизнь его запомнил! — сказал я.

Знамя очень хорошо сохранилось, и я легко прочел написанные на нем памятные слова: «И у смерти, у жизни учись не бояться ни жизни, ни смерти!»

В. И. Гурьев в 1917 году.

Революционная Балтика

Н. Ф. ИЗМАЙЛОВ,
пенсионер, член КПСС с 1917 года.

Это было за несколько дней до штурма Зимнего. По заданию Президиума Центробалта я выехал в срочную командировку в Петроград с секретной миссией — получить оружие от Морского министерства. Приехав в Петроград, я обратился к начальнику Морского генерального штаба графу Капнисту с требованием Центробалта отпустить оружие и боеприпасы для вооружения пяти тысяч матросов, якобы посылаемых на Або—Аландские острова, в связи с готовившимся немецким нападением на наши укрепленные позиции.

По распоряжению начальника Морского штаба мне удалось быстро получить три тысячи винтовок, тридцать пять пулеметов, пять тысяч ручных гранат, полный комплект патронов, пулеметных лент и сто револьверов системы «Кольт».

Оружие было использовано для дела революции.

...Навсегда сохранилось в моей памяти 27 октября, когда мне в Центробалт позвонили с телеграфа и сообщили: «Немедленно приезжайте на телеграф. Вас срочно вызывает к прямому проводу Ленин».

Я не стану подробно приводить разговор с Владимиром Ильичем, полное содержание его напечатано в 26-м томе Сочинений В. И. Ленина.

Когда разговор подходил к концу, чувствовалось, что Владимир Ильич доволен балтийскими моряками, их боевым настроением, преданностью революции. В заключение он сказал:

— До свидания. Привет.

Счастливый и радостный, я ответил:

— До свидания! — И чтобы полностью быть уверенным, что я действительно говорил с вождем партии и главой Советского государства, я тут же взволнованно спросил:

— Вы ли говорили? Скажите имя?

И в ответ на ленте появилось дорогое слово:

— Ленин.

После разговора с Лениным в ту же ночь мы дали категорический приказ командирам и судовым комитетам о немедленном выходе к Петрограду миноносцев и крейсера «Олег».

Н. Ф. Измайлов в 1917 году.

Боевое крещение

М. И. КОРШУНОВА,
главный врач санатория «Трудовые резервы»,
член КПСС с 1917 года.

В те незабываемые октябрьские дни я, шестнадцатилетняя работница деревообделочного завода, вступила в боевую дружину. Как сейчас, помню: мы выходим на Исаакиевскую площадь, помогаем сооружать баррикады. Всюду лежат перевернутые извозчичьи пролетки, телеги, груды кирпича, доски, бревна. Свистят пули. Перед нами противник — хорошо обученные, вооруженные юнкера и офицеры. Надежным прикрытием им служат мощные колонны Исаакиевского собора...

Залегаем у баррикад. Офицеры держат нас под огнем. Чуть голову покажешь из-за баррикад — сразу противник открывает пальбу. Несколько раз пытались продвинуться к Исаакиевскому собору, но юнкера сразу стреляют. И вдруг у собора наступает какое-то оживление, слышен топот лошадей. Командир вполголоса отдает приказ: «Беречь патроны, без команды не стрелять!» Приказ передается по цепям. Из-за собора появляются конники — в бурках, папахах, с пиками. Кавалеристы развертывают знамя и кричат: «Да здравствует революция!» Мы поднимаемся с мостовой, перескакиваем через баррикады и бежим вслед за кавалерией. В быстрой схватке очищаем Исаакиевскую площадь от юнкеров, врываемся на Конногвардейский бульвар и поворачиваем к Дворцовой площади.

Красногвардеец М. И. Коршунова. 1917 год.

Красногвардейцы Василеостровского

М. В. ЗАХАРОВ,
генерал армии, член КПСС с 1917 года.

Винтовку я предусмотрительно припас заранее, и, когда на заводе начали организовываться рабочие отряды, я вступил в Красную гвардию. Был я тогда слесарем по ремонту на петроградском заводе Сименс и Гальске, производившем телеграфное и радиотехническое оборудование.

Красногвардейцы Василеостровского района, куда входил и наш заводской отряд, еще за несколько дней до вооруженного восстания несли охрану мостов. Помню, что 23—24 октября мы охраняли Тучков мост, задерживая подозрительных офицеров, которые пытались пройти на Васильевский остров.

25 октября вечером, сменившись с поста у Тучкова моста, мы заняли другие позиции, чтобы через Дворцовый мост повести наступление на Зимний дворец со стороны Салтыковского проезда. В этой части Зимнего дворца находился военный госпиталь, и это облегчало нашу задачу. Дело в том, что подавляющее большинство раненых и выздоравливающих солдат, находившихся в госпитале, поддерживало революционные Октябрьские события.

С криками «ура» мы бросились в атаку на Зимний и ворвались в его залы.

Вскоре красногвардейцы с Василеостровского были отозваны из дворца и на рассвете стали стягиваться к своему штабу. Отсюда утром отряд был посажен в трамваи, которые повезли нас к Московской заставе. Революционные войска спешили дать отпор казачьим частям, которые собирал Керенский, сбежавший из Петрограда.

В февральские дни 1918 года я по зову партии поступил добровольцем на артиллерийские курсы и навсегда связал свою жизнь с вооруженными силами великой социалистической державы.

7 ноября 1955 года. Ленинград. Дворцовая площадь. Командующий войсками Ленинградского военного округа генерал армии М. В. Захаров поздравляет войска, участвующие в параде.

М. В. Захаров в 1920 году.

Впечатляющие успехи

По просьбе корреспондента «Огонька» находившийся в Пекине бывший премьер-министр Бирманского Союза, председатель Антифашистской лиги народной свободы У Ну написал следующее приветствие к наступающей годовщине Октябрьской революции:

Послание от Его Превосходительства У Ну, председателя Антифашистской лиги народной свободы.

В связи со знаменательным днем — 39-й годовщиной Великой Октябрьской революции — я шлю мои приветствия народам СССР.

В прошлом мне приходилось только слышать о прогрессе, достигнутом в Советском Союзе, но во время моего визита в Вашу великую страну в октябре прошлого года я собственными глазами увидел впечатляющие успехи, которые являются результатами совместных усилий народа и его руководителей.

Поистине велики Ваши достижения в развитии науки. Столь же велик прогресс в области благосостояния народа. Образование доступно для всех, и молодежь с энтузиазмом приобщается к знаниям. Культура в Советском Союзе занимает почетное место, и ей придается большое значение. Поездки советских культурных миссий в зарубежные страны, без сомнения, помогают лучше понять жизнь и чаяния советского народа. Жизненный уровень в Советском Союзе продолжает повышаться с каждым годом, и люди в Вашей стране довольны и счастливы.

Я молюсь за то, чтобы их счастье и процветание продолжалось.

МАУНГ НУ

ГИМН ОКТЯБРЮ

Это стихотворение написано для журнала «Огонек» в связи с 39-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции выдающимся китайским общественным деятелем и ученым Го Мо-жо.

Громом пушек революционного Октября
Потрясен был мир, всколыхнулся Восток.
Гнувший спину в труде — хозяином стал,
Чтобы рай на земле, а не в небе создать.
Недалек уже путь до свершенья мечты!
Песня мира несется над всей землей,
И видит уж глаз грядущие дни,
Когда мощь океанов
Горючим послужит для наших машин.

ГО МО-ЖО

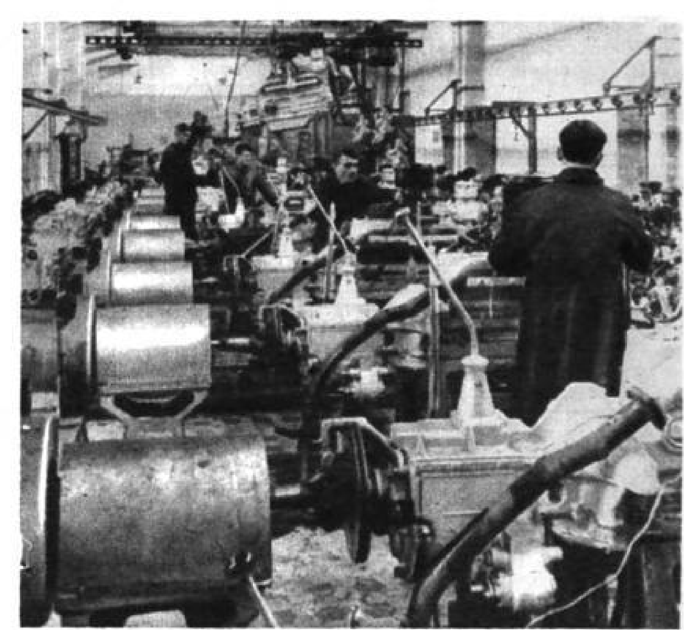
Пекин. 25 октября 1956 года.

Имени Г. К. Орджоникидзе

Имя Григория Константиновича Орджоникидзе — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства — присвоено Кутаисскому автомобильному заводу. Это произошло в дни, когда вся страна широко отметила 70-летие со дня рождения Серго, который отдал много сил и энергии делу социалистической индустриализации Советского Союза.

При непосредственном участии Г. К. Орджоникидзе были воздвигнуты многие гиганты тяжелой промышленности. Серго, как любовно называли его многие, вырастил тысячи талантливых командиров производства. Он был тесно связан с рабочими, хорошо знал их нужды.

Присвоение Кутаисскому заводу имени Г. К. Орджоникидзе—одно из свидетельств того, что наш народ бережно хранит память о славном сыне Коммунистической партии.

В цехе испытания моторов Кутаисского автомобильного завода имени Г. К. Орджоникидзе.

Фото Я. Берлинера.

Родина

С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

Мне не случалось Родину терять
И жить за рубежом не приходилось;
Как мог бы я поверить и понять,
Чтоб там, за рубежом, вольнее сердце билось!

Стыдом бы счел я верить в этот бред!
Я вижу Родину и новой и большою,
А потому и в восемьдесят лет
Остался телом прям и юн душою.

Где б ни был я, везде найдут меня
Свои поля, свои моря и горы:
Ведь даже солнцу не хватает дня,
Чтоб оглядеть моей земли просторы!

Я знаю много слов, и их удельный вес
Известен мне: слова — моя стихия.
Нет равного! Оно, как гром небес,
Оно, как девственный, бескрайний мощный лес
И круглое, как шар земной,— РОССИЯ!

В дни пребывания в СССР бельгийской Правительственной делегации в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась выставка бельгийского искусства. На снимке: Премьер-Министр Бельгии г-н Ахилл Ван Акер, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев и другие осматривают экспонаты выставки.

Фото Я. Рюмкина.

ПОСЛАНЦЫ ДРУЖЕСТВЕННОГО АФГАНСКОГО НАРОДА В СССР

После пребывания в Сталинграде и Баку Премьер-Министр Афганистана Мухаммед Дауд и сопровождающие его лица отправились в дальнейшее путешествие по Советскому Союзу.

На Черноморском побережье Кавказа гости ознакомились с городом-курортом Сочи. Они посетили здесь санаторий шахтеров имени Серго Орджоникидзе и совершили прогулку по морю. Премьер-Министр Мухаммед Дауд дал высокую оценку постановке курортного дела в Сочи, организации отдыха и лечения советских граждан.

В столице Советской Украины Киеве гости ознакомились с историческими памятниками и достопримечательностями, посетили Киевский государственный академический театр оперы и балета.

В Ленинграде Премьер-Министр Мухаммед Дауд и сопровождающие его лица совершили поездку по трассе метрополитена, посетили Ленинградский металлический завод, выпускающий паровые и гидравлические турбины, были в Ленинградском Дворце пионеров имени А. А. Жданова.

28 октября Премьер-Министр Мухаммед Дауд и остальные афганские гости возвратились в Москву.

29 октября в Колонном зале Дома союзов состоялся митинг, посвященный дружбе между Советским Союзом и Афганистаном.

Киев. На аэродроме. Фото А. Новикова.

Сочи. Мухаммед Дауд в фуникулере санатория имени Серго Орджоникидзе.

Фото А. Новикова.

Ленинград. Мухаммед Дауд во Дворце пионеров имени Жданова осматривает городскую выставку детских игр и игрушек.

Фото В. Соболева (ТАСС).

30 октября в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание Советско-Афганского Коммюнике о пребывании в Советском Союзе Премьер-Министра Афганистана Его Высочества Мухаммеда Дауда. Н а с н и м к е: Подписание Советско-Афганского Коммюнике Председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным и Премьер-Министром Королевского правительства Афганистана Его Высочеством Мухаммедом Даудом.

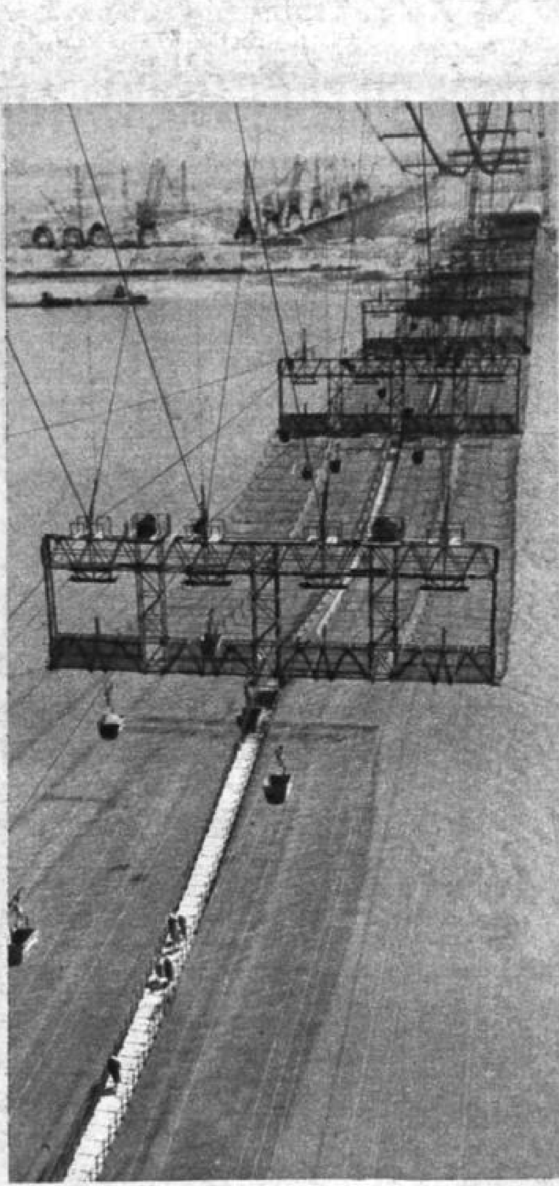
Фото А. Новикова.

Днепровская плотина.

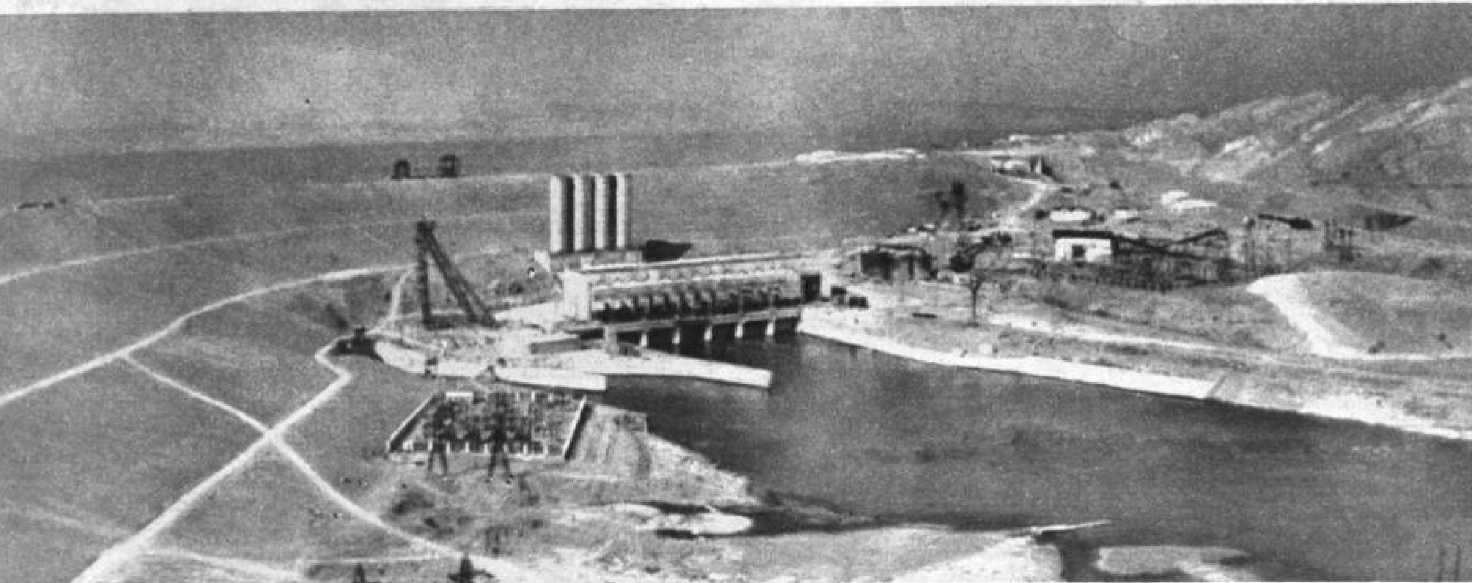

Свирская гидростанция построена на мягком глинистом грунте.

Канатная дорога через Волгу в районе строительства Сталинградской ГЭС.

Общий вид Мингечаурского гидроузла.

Фото А. Гостева, С. Раскина, Н. Финикова.

ЖИВАЯ СИЛА

А. СТАРКОВ

Живая сила водного потока...

Не правда ли, как поэтично это звучит!

Об использовании «живой силы водных потоков» говорилось в «нашей второй программе партии», как называл Ленин план электрификации России.

В первое издание плана ГОЭЛРО, небольшой томик, розданный делегатам VIII съезда Советов, была сделана вклейка. Текст ее гласил: «В виду крайней незначительности числа экземпляров этой книги убедительно просят товарищей, получивших ее, передать книгу по прочтении в местную библиотеку, чтобы по этой книге могли учиться рабочие и крестьяне».

Нет точного свидетельства, что это обращение к делегатам принадлежит перу Ленина. Но написано оно, безусловно, по-ленински, в ленинском стиле.

Позже Ильич запрашивал местные организации:

«Есть ли в местной губернской и уездной библиотеке «План электрификации РСФСР», доклад VIII съезду Советов? Сколько экземпляров?..

...Какие меры приняты во исполнение постановления VIII съезда Со-

На строительстве здания Куйбышевской ГЭС. Вверху рабочее колесо гидротурбины.

ветов о широкой пропаганде плана электрификации? Сколько статей в местных газетах об этом? Сколько докладов? Число слушателей на них?..

...В скольких учебных заведениях введено, согласно решению VIII съезда Советов, преподавание плана электрификации?»

Но по плану ГОЭЛРО не только учились. По плану ГОЭЛРО строили!

Еще в начале 1918 года, в первое же полугодие существования Советской власти, на петроградскую квартиру инженера Г. О. Графтио явился посланец из Кремля с поручением от Ленина. Владимир Ильич просил подробно разузнать у Графтио об имеющемся у него проекте силовой установки на реке Волхове. Что требуется для осуществления такого проекта? И не согласится ли он сам возглавить работы?

А вскоре Совет Народных Комиссаров уже обсуждал вопрос о строительстве гидростанций на Волхове, Свири, Иматре. Ленин, как и всегда во время заседаний, делал пометки. На одном из листков он записал: «Волхов строить». И слово «Волхов» подчеркнул.

Стройка на Волхове была великим почином. Правда, несколько гидростанций имелось и в царской России. Но их общая мощность составляла немногим более восьми тысяч киловатт. А «Волхов» был запроектирован на пятьдесят восемь тысяч... Скачок невероятный для той поры! Трудно переоценить подвиг, совершенный близ Петрограда. Ведь начинали в тяжкую годину войны и послевоенной разрухи. Начинали почти без всякого опыта и без техники. Шесть лопат — вот был инвентарь первых строителей.

«Волхову» предназначена была счастливая судьба — стать родоначальником могучей семьи советских гидростанций, быть по старшинству правофланговым в этой славной шеренге.

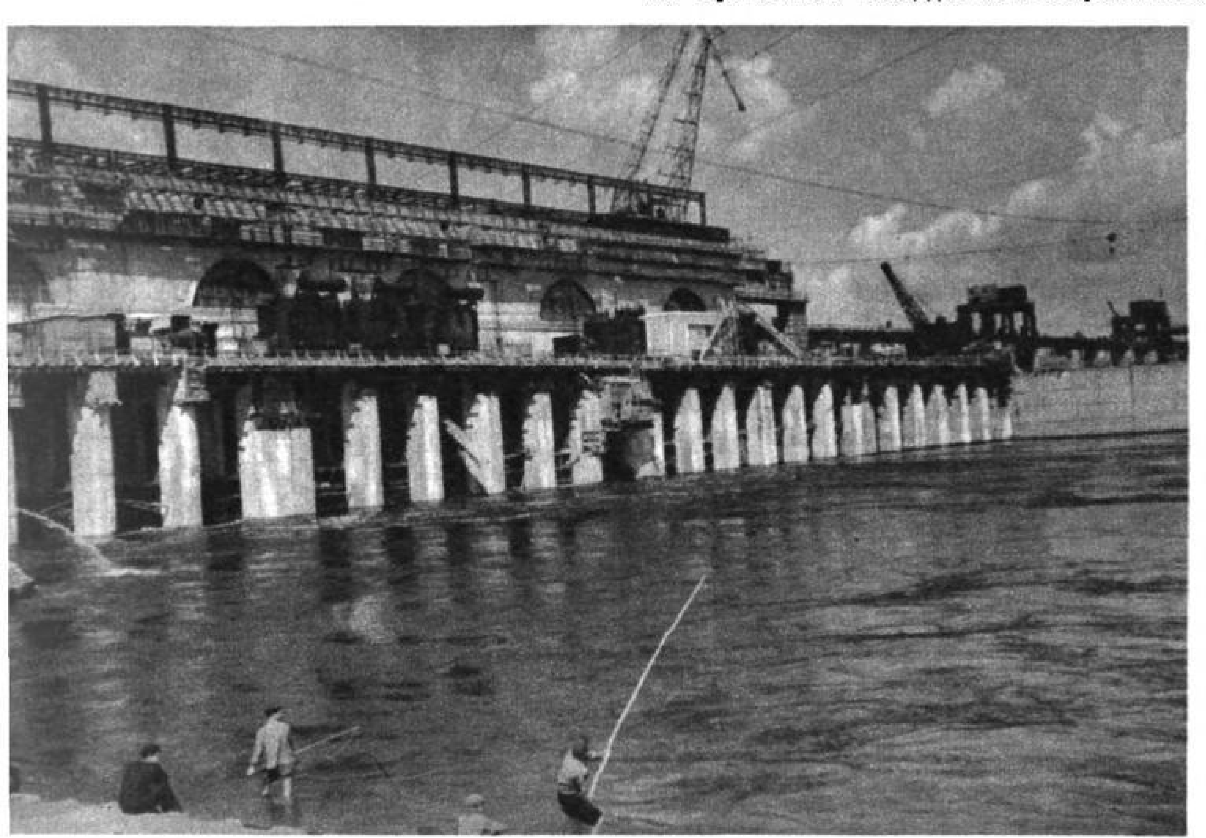
Вот они, вернее, только малая часть их, на фотографиях, снятых минувшим летом.

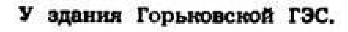
Здесь, конечно, и сам ветеран, сам «Волхов», отмечающий в декабре

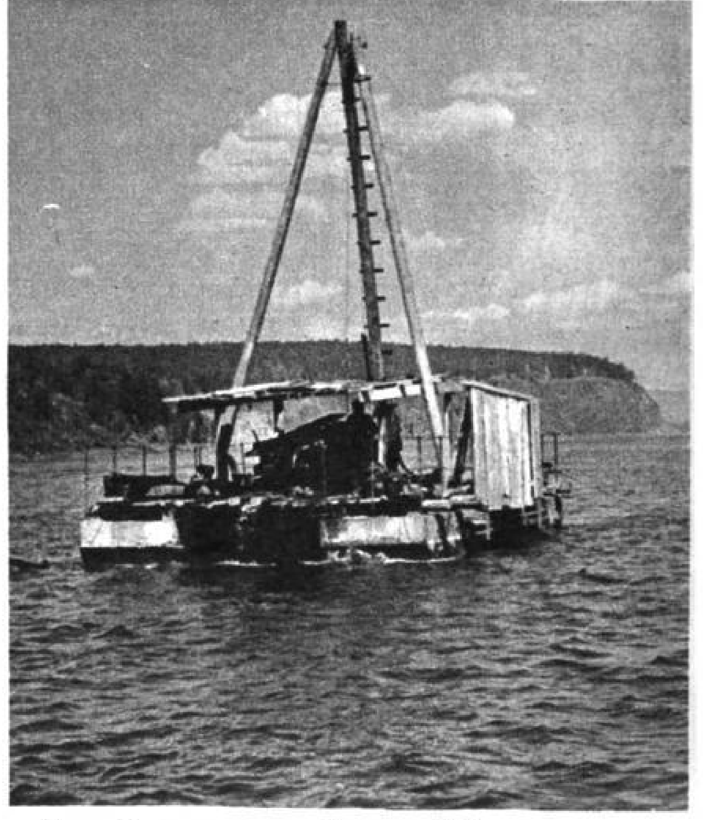
→
Волховская ГЭС — первенец советского гидростроения.

На строительной площадке Новосибирской ГЭС.

У здания Горьковской ГЭС.

Здесь будет построена Братская ГЭС.

тридцатилетие. Юбиляру принесут земной поклон все его младшие собратья, пусть более мощные, но все-таки младшие.

Здесь и другие убеленные сединами старейшины: Нижне-Свирская, Днепровская.

Здесь кавказская красавица Храмгэс, чье название человек, склонный к образному мышлению, может прочесть как «храм электричества».

Здесь и волжанка Горьковская, возле которой, судя по снимку, уже устроились рыболовы.

Здесь и представительница новой, электрической Сибири: Новосибирская, точнее, будущая Новосибирская, поскольку она еще в строительных лесах.

И за каждой фотографией — большая судьба, большая история, наполненная борьбой за покорение живой силы водных потоков.

Вот «Свирь». Первая гидростанция, первая плотина, поставленные не на скальном, а на мягком, глинистом основании. Сколько было сомнений, споров! Кое-кто острил: «Хотите построить замок на песке?» «Да, хотим!» Все расчеты были проделаны тем же Графтио, которого нашел и призвал к деятельности Владимир Ильич. «Свирь» построили. И она стоит, открыв собою новую страницу в гидротехнической науке. Теперь строительство гидростанций на песке, на глине стало таким же обычным, как и на скалах.

Вот «Днепр», дважды рожденный... В саду, примыкающем к зданию ГЭС, я видел небольшой, скромный обелиск. На каменном постаменте — звезда и венок из бронзы. Надпись: «Вечная память герою!». Это памятник неизвестному саперу. В разгар боя за Днепрогэс его нашли мертвым на одном из плотинных бычков. Он лежал весь еще движение, весь устремленный вперед, с длинными ножницами в правой руке. Солдат успел дотянуться ими до провода, который вел к взрывчатке, успел сомкнуть ножницы, но подняться уже не смог, сраженный пулей... Память о нем будет такой же вечной, как и память о подвиге строителей, поднявших Днепрогэс из руин... Мне довелось быть здесь, когда днепрогэсовцы провожали своих товарищей на Цимлянскую гидростанцию, только что вступившую в строй. Старый «Днепр» протягивал руку молодой «Цимле».

А Мингечаур? Разве не подвиг то, что проделали гидротехники с бурной Курой? Они схватили ее под уздцы на полном разгоне, там, где река особенно стремительна,— в ущелье Боз-Даг. Дорога Куре перегорожена теперь высочайшей, 87-метровой земляной плотиной. Строители работали около села Мингечаур, чье название означает по-азербайджански: «Поворачивай назад!», — но руководствовались девизом — только вперед!

А Горьковская? С каким героизмом отражали горьковчане наступление подземных вод, возводя на большой глубине стальные заборы, замораживая вокруг грунт...

Вот что за каждым снимком — труд, поиск, натиск!

Мне вспомнилась предпусковая пора на Куйбышевской ГЭС.

Это было в канун нового, ныне тоже подходящего к концу года.

Под металлическим шатром стоял, как было зафиксировано в журнале дежурств, «пущенный на обороты агрегат № 1». Какое это мерт-

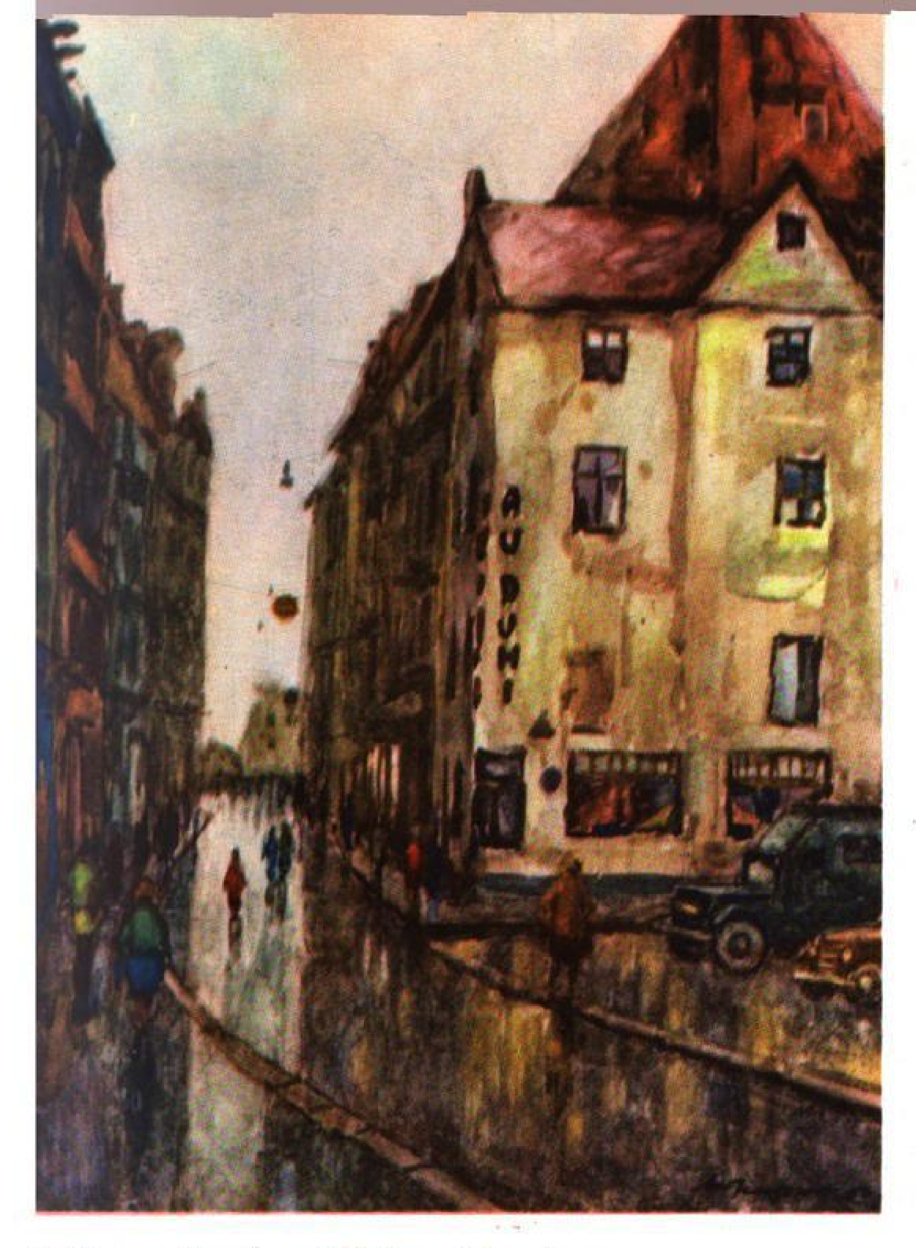

Храмгэс. Грузинская ССР. Фото А. Гостева.

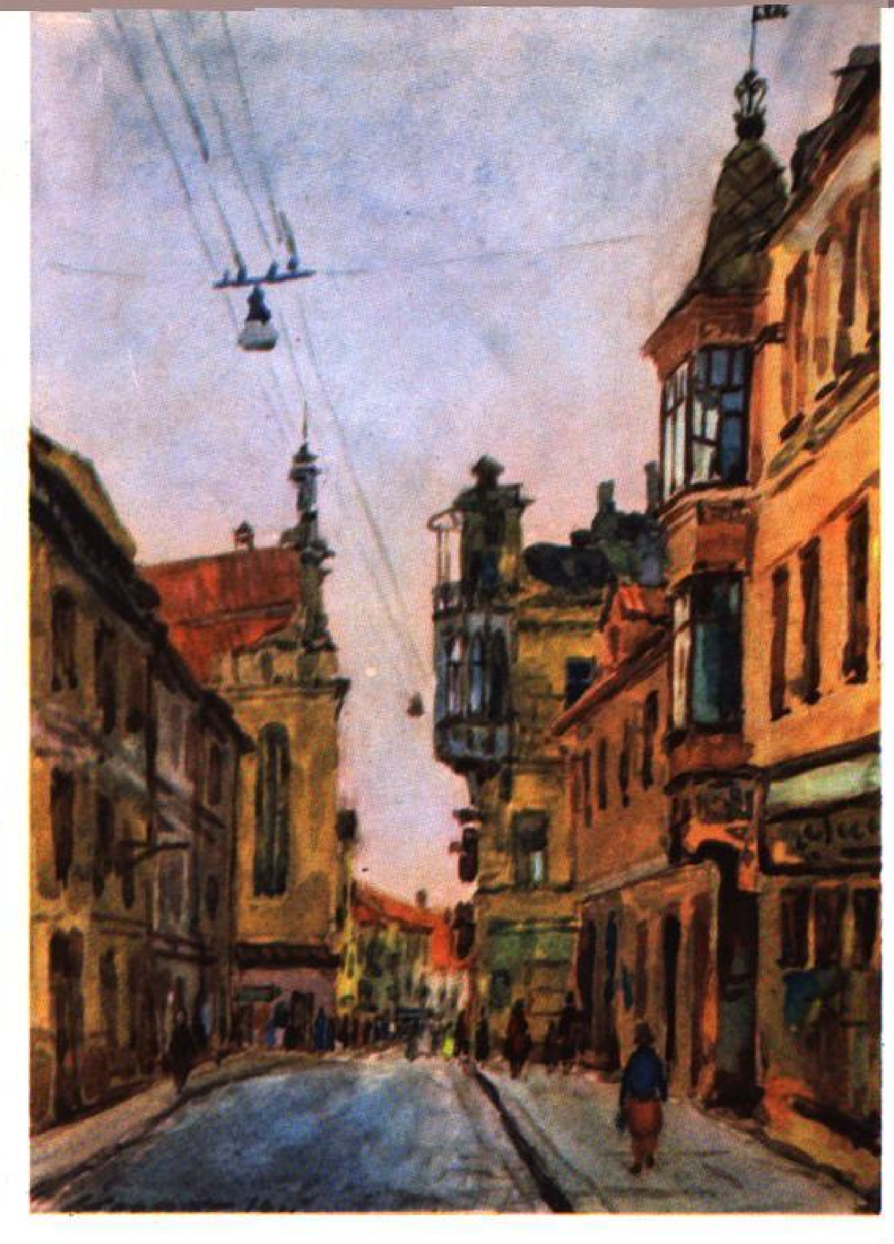
вое, холодное слово — «агрегат»! И как не подходило оно к этой теплой, пульсировавшей машине, чье дыхание обогревало нас, собравшихся вокруг нее, а ровное, размеренное сердцебиение успокаивало даже самых придирчивых приемщиков!

...Страсти стихли. Монтажники сложили инструменты. Прежде чем включить генератор в энергетическую сеть, его поставили на обсушку. Сейчас событий ничем не подгонишь. Все решает только время. Люди, страшно спешившие в эти дни, не спавшие, оказались вдруг без дела. Можно присесть, можно прикорнуть, можно даже уйти домой. Но никто не уходит. Я наблюдаю за монтажниками, за приемщиками. Они мирно переговариваются друг с другом. Разговор о всякой всячине, о постороннем, но, судя по выражению лиц, все их мысли сейчас об одном — об этой вот пусковой машине. Народ тут разный. Есть старики, пускавшие «Волхов», «Свирь», «Днепр», «Углич». Испытанные, исхлестанные водой и ветром гвардейцы. Ничто их, кажется, не удивит, не тронет. Ан нет, волнуются, тревожатся, то и дело поглядывая на свою родимую. Тут и молодые монтажники, приехавшие недавно с Каховки, — там уже работает первый «агрегат», — и они прибыли помочь волжанам. Тут и посланцы Ангары: на Иркутской должна начаться сборка машин, — и эти приехали к волжанам за опытом. А кое-кто из волжан уже в мыслях тоже «на чемоданах»: скоро на Каму, на Обь, на Енисей...

Я всматривался в лица всех этих старых и молодых мастеров, прислушивался к их неторопливой, приглушенной шумом генератора речи и думал: вот она, настоящая-то живая сила, человеческая, неистребимая, способная подчинить себе любой водный поток!

. Абрамов. Латвийская ССР. Рига. Улица Ленина.

Литовская ССР. Вильнюс. Улица Горького.

Эстонская ССР. Таллин. Площадь Ратуши.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ ВЕЧЕРОМ...

Кубанские рассказы

В. ЛОГИНОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Еще не утих ветер, угнавший тучу в соседний район. С яблонь на террасу летят душистые брызги. Скамейки на террасе мокрые, как в бане...

Дождик отшумел быстротечный, так, «игровичок». Он напомнил всем, что мир вокруг зеленый. Лужайка посредине колхозного двора, на которую давно никто не обращал внимания, вдруг стала такой молодой, что, кто бы ни проходил, все глядят на нее с удивлением. Перед окнами правления стоят три вишенки. Днем они казались здесь лишними: в пыли, в какой-то копоти — замарашки замарашками. Но пролился дождь, обмыл листья, освежил деревца, и всему свету открылась их красота.

Вот так, бывает, раскрываются и люди.

Звуки в станице протяжные, ленивые — вечерние. Тихо позванивает на всех углах капель. Широко растеклось в воздухе сытое мычание коровы. Певуче звякнула на соседнем дворе дойница...

По улице, не спеша, идет конюх Архип, сквернослов и крикун. На нем незастегнутый пиджак с авторучкой в кармане и картуз неопределенного цвета. По случаю погоды, должно быть, выпил сто пятьдесят граммов: не качается, но ставит ноги вкривь и вкось. Первую вишенку миновал, около второй, которая гуще и стройнее, остановился.

Из окна правления выжидательно глядит на него агроном Корниец, колхозный парторг и знаменитый в станице редактор многотиражки.

Архип отряхнул с пушистой ветки влагу, сунул в листву свой узловатый, перевитый красными и синими жилками нос. По выражению лица конюха заметно, что он сейчас вымолвит слово...

— Помолчи, Крячок, — успевает предупредить редактор. — Здесь женщины...

— Пахнет! — неожиданно говорит Архип и, не удостоив редактора взглядом, поднимается на террасу.

Вот уже три дня — с тех пор, как Корниец вывесил в коридоре правления на доске с надписью «Крокодил в колхозе» очередную язвительную карикатуру,— Архип с ним не разговаривает.

— Игнорирую! — гордо заявил он в тот день и замолчал, словно воды в рот набрал.

На террасу вышел полеводческий бригадир Глотаймуха, еще молодой, но грузный мужчина с бритой головой, в коротких штанах и сандалиях величиною с лапоть. Фамилия — главное огорчение в жизни бригадира, поэтому в колхозе его деликатно зовут Мухиным. Архип Крячок доводится ему не то кумом, не то сватом. Бригадир толстой ладонью, как лопатой, смахивает со скамейки воду и, присев, благодушно спрашивает:

— Залил?

— Ни в одном глазу, — убежденно отрицает Архип. Он тычет пальцем в сторону деревьев и, сладко прищурившись, добавляет: — Пахнет вишня-то! Как в парикмахерской...

Что и говорить, открытие на старости лет удивительное!

Глотаймуха озадачен. Минуту молчит, а потом, на всякий случай, предупреждает:

— Ты это... поменьше бы...

Гордый конюх пропускает замечание родственника мимо ушей. Он искоса смотрит в полутьму коридора, где на листе фанеры карикатура в полроста человека: существо, похожее на гориллу, с авторучкой в нагрудном кармане, размахивает бутылкой с наклейкой, изо рта вылетают какие-то слова. Конюх крякает с досады, лицо у него делается злым, темнеет.

Дождь нарушил течение обычного трудового дня. Неурочный отдых. На колхозный двор сходится помаленьку народ. Любители шахмат и домино шествуют в библиотеку. Те, кому беседа дороже развлечений, поднимаются по скрипучему крылечку на террасу...

Из конторы показывается Тит Никонович Корниец. Выпуклая грудь его туго обтянута тенниской, волосы распались на две стороны и свисают, как крылья. В руках у него, как обычно, папка. В папке — газеты, вырезки, необработанные заметки. Можно подумать, что он и спит с ней...

Вместе с парторгом выходит счетовод Маруся. В колхозе все, начиная с председателя и кончая конюхом Архипом, зовут ее Машенькой. Лицо у нее юное, нежное, с веснушками возле носа и черной бородавочкой над бровью. Машенька в коричневом форменном платье с белоснежным воротничком. В прошлом году она закончила десятилетку и осталась в колхозе.

Увидев Машеньку, Глотаймуха галантно уступает ей место; штаны его, как превосходная промокашка, успели осушить половину скамейки. Немножко рисуясь, бригадир вынимает пачку «Беломора» и оделяет колхозников.

Взглянув на Архипа, Корниец возвращается в коридор и зажигает там электричество. Все невольно смотрят на карикатуру.

Архип вдруг вскакивает, словно что-то вспомнив, но, дойдя до крылечка, пристраивается на перилах и чешет затылок.

— Эх, гармони нет! — притворно зевая, говорит он.

— А зачем гармонь-то? — с ядовитым хохотком спрашивает какой-то басок.— Играл бы хоть...

— Ты моих талантов не исследовал! — назидательно начинает Архип, но тут же, видно, соображает, что в данный момент такой тон неуместен. Скрепя сердце объясняет уступчиво: — В подходящую минуту игрок найдется. Был бы хомут...

Сказано это так укоризненно, что все сразу вспоминают: действительно, нет ни баяна, ни завалящей гармони в колхозе. Грузовики есть, легковой «ЗИМ» есть у председателя, многотиражка есть, а гармони — нет.

— Кхм! — кашляет кто-то значительно, и слышно, как на старый, позеленевший жернов падают с крыши звонкие капли.

— Дядя Архип тему дал, — нарушает молчание Машенька. — А вы хотите, чтобы молодежь в колхозе оставалась.

Это уже камешек в огород парторга.

Между тем подходят еще люди. Один за другим появились два паренька, тоже выпускники станичной десятилетки: щупленький, похожий на семиклассника Виктор Корягин и здоровенный, длиннорукий, с буйным чубом Сашка Мысок. В станице про них говорят, что они бродят друг за другом, как веревкой связанные. Но сейчас Виктор садится в одном углу террасы, Сашка — в другом. И на лицах у обоих без пяти минут слезы.

— Жизнь, она сложная механика,—замечает по какому-то поводу Архип, явно вкладывая в свои слова глубочайший философский смысл. — С одного боку смотришь — так, а с другого — так... Соображать надо.

Все знают, что Архип иногда любит говорить намеками, но на этот раз намек весьма туманен. Впрочем, ясно, что конюх гнет некую линию: за этим и пришел.

Чувствуется, что надо начинать более или менее серьезный разговор, и эту миссию берет на себя Глотаймуха. В компании образованных людей он щеголяет изысканными оборотами речи.

— Пора, Тит Никонович, осветить в печати следующий актуальный вопрос, — говорит он, пустив к потолку колечко дыма. — Неравноправное положение женщин.

Глотаймуха обводит всех взглядом, некоторое время многозначительно молчит, а потом вдруг рубит ладонью воздух:

— Позор!

В голосе бригадира звучит медь.

— Сколько лиц женского пола у нас на командных постах? Бригадирами, заведующими, учетчиками, писарчуками разными? Кот на-

плакал. Посмотришь на току: женский пол спину гнет с лопатой в руках, а мужская половина лежит, пузо на солнце... извиняюсь, животы на солнце греет. Заведующий током! Механик! Моторист! В бумаженции распишется и: «Давай, давай!» А чтобы самому физически поработать, — ни-ни! Он, чертяка, извиняюсь за нескромное выражение, командир производства, и ему лопата не полагается по штату!

— Ему пол-литра полагается, — ввертывает из темного угла ядовитый басок.

— Позор, товарищи!

Глотаймуха — человек горячий. Разошелся. То и дело рубит воздух ладонью.

Архип Крячок не может молчать, когда страсти разгораются. Всегда так: на колхозном собрании, если оно идет мирно, конюх скучно посапывает в две дырочки, а начнется ругань,— Архип немедленно бросается в атаку, и тогда уж остановить его трудно.

— Матерьял есть! — подает он сейчас голос. — Дорожников протянуть надо. Женщин в виде грузов употребляют. Вчера еду, вижу — унизительная в наше время картина: трактор тянет тот самый утюг, которым дорогу для ровности гладят. А сверху не что иное, как баба сидит. Правда, баба дородная, на центнер весу, чтобы, значит, не подпрыгивало и плотнее к дороге прижимало. Это вам в самом наилучшем виде карикатура, а не то что... И бумагу тратить не жалко.

Наконец-то стало проясняться, какую линию гнет Крячок и к чему клонит. И все опять невольно глядят на карикатуру в коридоре.

— Позор! — стонет Глотаймуха, самозабвенно поглощенный актуальным вопросом.

Вечерние беседы на террасе в колхозе называют «прениями». Присутствует на них и председатель, но не часто: «прения» не заседание правления, где можно и оборвать ретивого оратора и вежливенько лишить его слова, выставив уважительные на то причины, вроде истечения регламента. Но парторгу положено здесь быть по долгу службы. В основном он один и отдувается. Да и польза есть: все тайное в колхозе становится здесь явным. Многотиражка, во всяком случае, от этого не страдает.

Парторгу подражает Машенька. Она секретарь комсомольской организации колхоза и считает, что, по примеру старших товарищей, должна бывать среди масс.

Сейчас парторг выслушивает все речи и реплики, поворачиваясь то к одному оратору, то к другому.

— Сигнал своевременный, — соглашается он. — Но придется и вас как бригадира передовой бригады задеть, товарищ Мухин.

— И меня! — безжалостно подтверждает Глотаймуха.

— Самокритика! — с ухмылкой замечает кто-то из угла.

Это все тот же настоенный на яде басок. Кому он принадлежит, трудно рассмотреть: в темном углу не видно лица.

Вот так же и на собраниях: в самый раскаленный момент, когда сшибаются мнения, вдруг откуда-нибудь раздается этакий подземный возглас: он все отрицает; все ему не по вкусу — и плохое и хорошее; кидает злые реплики из толпы, из-за угла, словно кусает.

Иногда после таких реплик колхозникам становится как-то неловко. Вот и сейчас разговор захлебнулся. Все молчат, сигналя друг дружке папиросами. Только Архип, глядя в угол, что-то грозно бормочет себе под нос. И нетрудно понять смысл его бормотания: дай ему волю, он выволок бы обладателя ядовитого баса на улицу и заставил бы удостовериться, насколько холодна вода в канаве.

Отряхнув брызги дождя с яблонь, ветер утих, притаился в листве, чуть-чуть шевельнет то один листочек, то другой.

Синий вечерний воздух так чист, что никакие шумы в нем не утаишь: они докатываются, кажется, с самого конца станицы. Вот уже минут пять слышно, как бежит по дороге лошадь.

Сидящие на террасе молча смотрят в ту сторону, откуда едет всадник. Кто он? Зачем?..

— Молоковоз, — снисходительно определяет Архип. — На правой задней подковы нет... Стервец!

Лошадь останавливается, на землю соскакивает человек, привязывает лошадь к вишенке, поднимается на крыльцо.

Архип прав: молоковоз Лукьянюк. У него бескозырка без ленточек: он служил на Черноморском флоте и вот уже два года не может забыть море. Даже работу он выбрал такую, чтобы быть поближе к воде: дорога на ферму пролегает вдоль речки.

— Здорово! «Крокодил» здесь?

На террасе — ни слова.

— Нема?

— Ты кого имеешь в виду? — помедлив, отзывается Корниец.

— Тит Никонович? Я до вас. Можно?

По голосу легко определить, что молоковоз взволнован. Ясно, что случилось нечто необычайное.

— В чем дело? Происшествие какое?

— Точно. Происшествие. Можно вас?

— Секретно?

— Да нет... не совсем.— Лукьянюк присаживается рядом с парторгом и закуривает, обжигая папиросой пальцы. Потом говорит полушепотом, чтобы не все слышали:

— Телятница у нас есть одна...

— Ну... и что с ней?

— Ничего. Вот уже третий день молоком умывается.

На террасе — веселое оживление.

— Что-о? Зачем?

— Для приятного цвета лица. Привлекательной красавицей хочет стать.

Оживление сменяется смехом. Известие действительно необычайное. Те, кто не расслышал, в чем дело, справляются у соседей. Смех переходит в хохот.

— Смешно? — обидчиво кричит Лукьянюк.— А это печальный факт! «Крокодил» должен обратить самое серьезное внимание!

— Как фамилия?

Не ответив на вопрос, Лукьянюк с вызовом продолжает:

— В библиотеке для чтения вредные книги допускаются. Почему партийная организация мимо смотрит? В одной я собственными глазами читал: проповедуется теория, по которой коже молоко полезно. Молоко, которого не хватает для нужд народного хозяйства! И вот результат: ей для телят отпускают, а она прежде в том молоке умывается. Где в отношении телят санитария и гигиена? В прямом смысле слова буржуазный пережиток. — И тише, с затаенной горечью: — Что ей, за принца, что ли, выйти замуж охота?

— Фамилия-то как?

— Протяните в «Крокодиле», Тит Никонович. Всю ферму позорит и оказывает разлагающее влияние. Мне, как комсомольскому группоргу, ничего не сделать — не поддается устному воспитанию. Я умываю руки.

— Фамилия? — третий раз спрашивает Корниец.

— Горловая... Лизка, — выдавливает Лукьянюк.

— Не видать тебе ее, как своих ушей, морячок. Закон! — простодушно ляпает Архип. — Лизка — бес, а не девка.

— Мозги умой... черт! — вдруг взрывается галантный Глотаймуха. — Ты что думаешь, «Крокодил» тебе сосватает ее? Тут своими мозгами раскидывать надо! Она, может, особых каких разговоров желает, а ты ей мораль про буржуазные пережитки читаешь.

— Я группорг... и мне доверили... — растерянно бормочет молоковоз.

— А ты забыл бы, что ты группорг, да в степь ее повел. В степи... — Глотаймуха понял, что увлекся, и выразительно заключил: — Головотяп!

Тишина.

— Ладно, — нарушает молчание Корниец. — Завтра приеду, разберемся. А насчет «Кроко-

дила»... ты подумай. В самом деле, стоит ли?

— Я могу заметку в стенгазету написать...

— Конченный человек! — вздыхает Глотаймуха. — Ушибла, черноморский моряк, тебя идея.

— Вы не правы, товарищ Мухин! Как настоящий комсомолец, товарищ Лукьянюк обязан выступить в печати. Он должен бороться за свою дружбу по-комсомольски, с высоких идейных позиций. Критика в печати должна помочь товарищу Горловой исправить имеющиеся недостатки.

Это вступила в разговор Машенька. В вопросах, касающихся дружбы, она бескомпромиссна. Еще в школе Машенька читала тщательно отредактированный учительницей доклад «О дружбе и товариществе» и теперь каждый абзац этого доклада «претворяет на практике».

— Да-а! — огорченно тянет Глотаймуха. — Значит, я не достиг. Не дорос еще до понимания этого вопроса. Какая дружба? Что за дружба? Любовь это, любовь у него, а любовь — тонкая штука, ее одним словом убить можно! Молодежь!

О любви Машеньке сказать нечего: докладов о любви она не читала. Любовь ей знакома только по роману Льва Николаевича Толстого «Анна Каренина», поэтому она молчит.

А Глотаймуха продолжает развивать свой взгляд на любовь, с точки зрения Машеньки, ужасно безидейный, конечно. Машенька с надеждой смотрит на парторга: он обязан пресечь, опровергнуть, разъяснить. Но парторг спокойно слушает, и создается впечатление, что он согласен с бригадиром...

— Странно вас слушать, товарищ Мухин! — в замешательстве пожимает плечами Машенька.

Разговор о любви — редкое явление на террасе. Тема эта сложная, запутанная. Многих она не интересует. Первым подает голос протеста Архип.

— А пахнет-то как, па-ахнет! — демонстративно восклицает он, с шумом втягивая носом воздух. — Природа!

Он оборачивается и вдруг срывается с перил крыльца и бежит вниз.

— Дьявол! Привязал куда!..

Вслед за Архипом исчезает за углом Лукьянюк. Не сказав на прощание ни слова, садится на лошадь и снова — цок, цок, цок. Все дальше, дальше и дальше...

Архип опять занимает свое место, но прерванный им же разговор уже не склеишь. Парторг ушел в контору — на зов телефона. Поднялась и, попрощавшись, ушла оскорбленная в своих лучших чувствах Машенька. Друг за дружкой потянулись Виктор Корягин и Сашка Мысок.

— Недопонимаю я теперешнюю молодежь! — запоздало подытожил дискуссию Глотаймуха.

И вот уже нет на террасе и бригадира. И сразу всем стало как-то скучно. Терраса мало-помалу опустела.

Но в конторе, в комнате, которую называют парткабинетом, еще горит свет. Парторг Корниец сидит над раскрытой тетрадью. Он думает, покусывая, как ученик, конец деревянной ручки. Нужно записать мысли, вызванные разговором на террасе. Мысли должны быть дельными — на то он и парторг, человек, которому, по мнению колхозников, не положено ошибаться. Но мысли приходят самые разноречивые: какая из них правильная, а какая не совсем? Откусил щепочку, жует ее... Все-таки трудная, запутанная тема — эта любовь! Страничка тетради так и осталась чистой.

Неудовлетворенный истекшим днем, Корниец выходит на террасу. Электричество гаснет. Сквозь ветки яблонь светят спелые звезды, белеет в саду разлитый в воздухе свет невидимой луны. Скоро полночь... Но рабочий день, оказывается, еще не кончился.

Откуда ни возьмись,—конюх Архип. Должно быть, поджидал.

— Тит Никонович, вопросик разрешить... До каких же пор? Четвертый день висит!..

Говорит Архип торопливо, с дрожью в голосе и шепотом, хотя вокруг давно никого нет.

— Мне понятно, чего там говорить... Остерегаться буду... в дальнейшем... И прочее в этом разрезе... Позор на весь колхоз! У меня боевой орден и три медали. Снимите карикатуру!..

— Очень вы не воздержанный, Архип Демьяныч! Вот и сегодня... Опять же пили.

— Ни в одном глазу, Тит Никонович, ни в одном глазу! Как осознавший вину, воздерживался от произведения шума в обществе. А то — четвертый день... Снимите сатиру...

— Ну, ладно. Но вы учтите, Архип Демьяныч...

— Я сказал — точка! У меня боевой орден и три медали...

На углу улицы они расходятся: парторг — в одну сторону, Архип — в другую. Но не успевает конюх скрыться из виду, как перед парторгом, словно из-под земли, вырастает Сашка Мысок. У этого своя беда.

— Даже клятву давали... на всю жизнь вместе! В прошлом году еще договорились... в колхозе останемся, заочно учиться будем, — прерывисто шепчет Мысок.

— А теперь что?

— А теперь Витька на серебряную сдал... в институт захотелось. Друзья поступают так? Скажите, Тит Никонович, поступают?

Как успокоить парня? Какие найти слова для утешения? Школьные товарищи выбирают дорогу в жизнь, решают свою судьбу. Необдуманный совет может принести большой вред. Значит, нужно думать, думать. Много нужно думать парторгу. Вот и сегодня он ляжет позже других. Такая уж у него должность.

...Мерцают мокрые канавы. Вдоль улицы величаво плывет луна; ей с высоты виден каждый тайничок и закоулок. Станица, кажется, заснула. Но нет, спят не все! В покойную тишину врывается вдруг веселый девичий голос:

Дорогой товарищ Вова,
Тебя слушать нелегко.
От твоих речей суровых
Даже скисло молоко.

Не Лиза ли Горловая поет эту насмешливую частушку?

«А пахнет-то как, пахнет!» — вспоминает парторг слова Архипа и чувствует, что воздух, омывающий его лицо, пахнет спелым пшеничным колосом.

ТЕТЯ ЖЕНЯ

В дальний колхоз я добрался на попутном грузовике и, не въезжая в станицу, попросил шофера ссадить меня возле поля, на котором работали девушки. Мне говорил секретарь райкома комсомола, что как раз в этих местах пололо кукурузу седьмое комсомольско-молодежное звено. Секретарь настаивал на том, чтобы я побеседовал со звеньевой, и почему-то загадочно улыбался.

На краю поля были сложены узелки с едой, верхняя одежда, матерчатые босоножки, валялись запасные тяпки. Возле этого склада, уткнувшись лицом в горячую землю, лежала тоненькая девушка в ситцевом платье. Коричневые руки, сжатые в кулаки, она вытянула вперед. Лежала она неподвижно, только ветер шевелил подол ее платья да пушистые концы толстых рыжих кос...

Услыхав шаги, девушка приподняла голову. Глаза и нос у нее были влажные.

— Что с тобой? — спросил я, встревоженный безутешным, по-детски капризным выражением ее лица.

— А вам не все равно? — зло ответила она. — Идите своей дорогой! Никакого вам дела не-е-ет...

И заплакала. Мне стало ясно: кто-то крепко обидел девушку.

Я пошел по полю, туда, где пестрели, как сигнальные флажки на кораблях, разноцветные косынки. Навстречу бежал, ловко перескакивая через квадраты, босоногий парнишка лет одиннадцати. В руке у него болтался жестяной бидончик. Бидончик блестел так ослепительно, что казалось, будто горит в нем яркая лампочка.

— Там плачет кто-то, — остановил я парнишку.

— Ну и пусть! Наказали.

— За что?

— За дело! — Он перепрыгнул сразу через два квадрата. — Спешу я...

— Постой. Звеньевая ваша там?

— Тетя Женя, что ли? Нет, вон там.

Парнишка плутовато фыркнул, указал рукой на телегу с бочкой, стоявшую невдалеке, и поскакал к ней, размахивая бидончиком-лампочкой.

Я решил, что звеньевая, о которой говорил секретарь райкома комсомола, уже пожилая, и мне сразу же стало жалко плачущую девчонку. Знакомиться с тетей Женей расхотелось.

Парнишка влез на телегу, сунул бидончик в бочку и через полминуты снова проскакал мимо, расплескивая воду.

Около бочки никакой тети Жени не было. Под телегой спал, мирно похрапывая, долговязый парень в майке, с облупившимся носом и запекшимися губами, над которыми назой-

ливо порхали мухи. Парнишка-скакунок меня обманул.

«Вот чертенок!» — рассердился я и крикнул босоногому вдогонку:

— Эй, подожди!..

Крик разбудил парня.

— Вам кого?

— Спи, спи, — успокоил я его, — до вечера еще далеко.

— Нет, все-таки? — настойчивее спросил парень.

Глаза его, большие, голубые и добрые, никак не соответствовали строгому выражению лица — твердо сжатому рту и нахмуренным бровям. Мясистый, рыжий от загара и конопатинок нос выглядел так комически-добродушно, что хотелось улыбнуться.

— Я по делу, дружок. В звено. К тете Жене.

Парень молча вылез из-под телеги, заправил выгоревшую майку в брюки, потом провел ладонью по лицу, отчего оно стало еще строже, и промолвил с некоторым вызовом:

— А кто вам сказал о ней, интересно узнать?

Признаться, я пожалел, что связался с ним.

— Секретарь райкома комсомола сказал. Удовлетворен?

Парень взглянул на меня еще недоверчивее. Ответ ни капельки не удовлетворил его.

— Вон тот пацан, с бидончиком, — добавил я, — послал меня сюда: мол, тетя Женя должна быть здесь.

— Никакой тети Жени нет! — вдруг с достоинством сказал парень. — А если вам звеньевой нужен, так звеньевой — я.

Но тут у него недостало строгости, и он покраснел. И теперь уже стало окончательно ясно, что по натуре он добряк добряком.

— Фамилия моя — Евгений Комов, — глядя в сторону, добавил он.

— Комов?..

Он кивнул, помолчал немного и осведомился:

— Вы ко мне... или как?

— Собственно, я между прочим... Впрочем, присядем, — спохватился я. — Вот сюда.

— Осторожнее, там лужа, — предупредил Евгений. Я чуть было не сел в воду, которая натекла из бочки.

Сели мы на оглоблю, и Евгений сказал, что он меня слушает.

— У вас травинка прилипла... На щеке...

— Вот черт! — почесав щеку, смутился звеньевой. — И не думал, что усну. Девчата заставили. Я им в обеденный перерыв тяпки точил. Ну, и говорят: полежи да полежи. А вы, по совести говоря, меня за лодыря приняли?

— За водовоза.

— Точно, за лодыря. — Он вскочил, посмотрел в поле из-под ладони. — Ого, вздремнул, называется! Девчата назад возвращаются, а отсюда ведь начали. Ну, я им!..

Погрозив кулаком, он вздохнул.

— Плохие дела у нас сегодня. Очень засоренный участок. Норму не выполним — переходящий вымпел отберут.

— Завтра вернете.

Евгений удивленно взглянул на меня.

— Легко сказать! Он у нас с начала прополки.

Тут он, видимо, догадался, что я действительно — так, между прочим, и решительно заключил:

— Ну вот что, товарищ, мне пора: работать надо!

Я с трудом упросил его задержаться минут на пять. Интересно было узнать, как он стал звеньевым. Покусывая сухой корешок, Евгений сначала мялся, а потом все-таки стал неохотно рассказывать:

— После десятилетки хотел в МТС пойти. А председатель спрашивает: «Не любишь колхоз?» Почему не люблю? Пошел в полеводство. На копнителе работал. Весной комсомольско-молодежные звенья на кукурузу стали организовывать. Председатель опять вызывает: «Возглавь самое передовое, образцовое. Мы тебе кадры подберем». Ну, и возглавил. Оказалось, что кадры — одни девки. В общем, повезло, называется! — Он пососал губу, пощупал свой большой нос и вздохнул в ладонь. — Вы слыхали, как они меня... Тетя Женя! А какая я им тетя Женя. Меня Евгением Комовым зовут!

Евгений обиженно, совсем по-мальчишески шмыгнул носом и заговорил быстрее, волнуясь:

— И вообще, раз такое дело, брошу я их и уеду из колхоза. Пусть говорят, что не люблю колхоз! А в чем я виноват, вот вы скажите? Себя не переделаешь. Характер мой не позволяет с женским полом работать. Бесхарактерный я, таким уродился. Вы думаете, ребята заставили бы меня под телегой спать? Черта с два! А что я с теми поделаю? Их целых восемнадцать голосов! Нет, все-таки брошу я! Уеду на мужскую работу! Страна большая, найду место, где уважать будут.

Он глядел не на меня, а в степь, словно хотел, чтобы все услыхали его.

В это время девушка в ситцевом платье поднялась и направилась к нам. На ходу она вытирала косынкой лицо. Босые маленькие ноги ступали так осторожно и робко, что мне опять ее стало жалко.

— Женя, ну допусти к работе, — жалобно взмолилась она, остановившись на почтительном расстоянии.

Звеньевой страдальчески сморщился и отвернулся.

— Не допущу, Варька! — ответил он не своим голосом. — Не нужно было дисциплину разлагать.

— Я уж и сама не рада...

— Не проси, у меня слово твердое: до завтра отстраняю.

— Ну и ладно, отстраняй, отстраняй!.. — вскричала Варька. Она отбежала немного и, упав на землю, зарыдала горше прежнего.

Евгений вскочил, как ужаленный.

— Убедились? Такие условия работы! — с отчаянием сказал он. — Ну, я пошел, у меня нервы не выдерживают.

Увидев, что я следую за ним, он попросил:

— Вы бы лучше не ходили, отвлекать будете, а нам норму выполнять. Вечером приходите.

И побежал, искоса поглядывая на Варьку.

«А что, и в самом деле сбежать можно», — подумал я, представив себя на месте Евгения.

Этой мыслью я поделился с председателем колхоза, который, проезжая мимо, заметил на поле чужого человека и остановил машину. Председатель, грузный добродушный человек, лукаво засмеялся:

— Никуда теперь не сбежит он, голубчик. Здесь в звене любовь у него. Влюблен, как говорится, по уши!

Девушки с тяпками были уже близко. Они кричали что-то приветственное, махали председателю руками, косынками, только Варька попрежнему лежала на земле, даже не подняв головы. Девушки из звена Евгения были стройные, высокие, румяные — все как на подбор. Усаживаясь в «Победу», я старался угадать, в какую из этих красавиц влюблен звеньевой...

В поле я вернулся после захода солнца. Степь была уже пустынна. Красный вымпел стоял в другом месте — через дорогу, около таблички с цифрой «6». В полевом стане (а он был близко) мне сказали, что Евгений Комов здесь, что его видели минуты три назад.

Я стал искать звеньевого и наконец за сараем неожиданно чуть не наткнулся на него, но он даже не заметил меня. Он стоял с рыженькой курносой Варькой, и лицо у него было такое робкое и нежное, что я замер, боясь потревожить их. А разговор у них был серьезный.

— Ведь Ленка тоже плохо вела, почему же ты ее не отстранил? — ревниво говорила Варька. — Она хуже меня вела себя, а ты одну меня отстранил.

— Тоже плохо вела, — покорно ответил Евгений. — Но пойми, не мог же я вас обеих отстранить, мы тогда вообще опозорились бы! А только одну ее я тоже не мог отстранить... Понимаешь?

— Ты же только вчера говорил, что любишь меня!

— Люблю, Варя. — И руки звеньевого как будто сами потянулись к плечам девушки.

Я так и не поговорил больше с Евгением.

Но теперь, вспоминая, с какой ласковой бережливостью обнимал Евгений Варьку, я все больше и больше убеждаюсь: ни за что он не уйдет из своего колхоза.

Элеватор

Павел КУСТОВ

За рекой, где степь лежит пуста
И лишь вьется жаворонок звонкий,
Словно пропуская поезда,
Элеватор скромно стал в сторонке.

Он стоит не год уже, не два,
В голубиной выпачкан известке,
Парусиновые рукава
Протянув к машинам, как присоски.

Много сёл в округе. Все они
С ним надежной дружбы не теряют.
— Хлеб народный бережно храни! —
Мужики степенно повторяют.

Он в ночи, действительно как страж.
Синяя броня его надежна...
Наш степной воронежский пейзаж
Без него представить невозможно!

Шесть коротких интервью

С. ФРИДЛЯНД

На улицу имени Ватутина светлым многоэтажным фасадом, обнесенным зеленым рядком палисадников, выходит дом № 1/40. И дом этот в числе многих других, и асфальтированная улица, и огромный завод тяжелых станков — все это недавно возникшее, совсем новое в старинном городе Коломне.

1956 год знаменателен особенно хорошими, особенно ощутимыми для советских людей изменениями в их житейских делах. И желание познакомиться с ними привело нас в этот, наудачу выбранный дом.

Первое интервью мы получили от Нины Акимовой, продавщицы молочного отдела магазина, расположенного в нижнем этаже.

— Теперь всегда у нас свободно можно купить свежее молоко, сметану, творог, простоквашу, яйца. Продуктов вдоволь, только поворачивайся быстрей.

Уже на пороге квартиры № 21 нас встретил требовательный крик совсем юного жильца дома № 1/40 Бори Новикова. Счастливая молодая мать, Юлия Михайловна, рассказала:

— Работаю я, как шутят у нас в цехе, на седьмом небе: под самой крышей ходит мой 25-тонный кран. А сейчас я действительно на седьмом небе от радости. Смотрите, какой парень растет! Отпуск я получала уже по новому закону: не за тридцать пять дней до родов, как раньше, а за два месяца. И после родов еще два месяца за счет государства отдыхала. Что и говорить, такое отношение к нам, матерям, просто трогательно!

Кузнец Илья Капитонович Капитонов после шестидесяти лет работы ушел на отдых. Сидя в уютной столовой со своей гостьей — учительницей из Бугуруслана, пенсионеркой Клавдией Лаврентьевной Пермяковой — и супругой Анастасией Георгиевной, положив натруженные руки на колени, Илья Капитонович говорит:

— Я не только за себя, но и за всех старых людей скажу: большое спасибо нашей партии и правительству. Хорошо они обеспечили нас, очень хорошо!

У палисадника нам встретились трое молодых рабочих. От имени всех троих говорил Иван Гресс:

— Мы, токари-карусельщики, бригадой работаем на одном станке. Вместе и в акмолинский совхоз «Энтузиаст» с группой заводских рабочих поехали помогать собирать богатый урожай. Вместе и комбайн повели. На счету нашего экипажа 25 тысяч пудов зерна.

На снимке слева вы видите бригадира Николая Артамонова, в центре — Ивана Гресса, справа — Аркадия Карпычева.

16-летний ученик в бригаде электриков Юра Суханов занимается в вечернем техникуме.

— Раньше, до Указа о сокращенном рабочем дне для молодых рабочих, — сказал Юра, — я трудился, как все, до половины пятого. А в шесть часов мне уже на занятиях надо быть. Иной раз и покушать толком не успеешь: бежишь на учебу. А теперь эти два часа прямо золотые для меня.

Бригадир расточников Евгений Петрович Макаров, талантливый рабочий-новатор и давний любитель природы, поделился с нами своими мыслями по поводу сокращенного рабочего дня в субботу:

— Стало больше времени для отдыха. Лично я провожу отдых в своем саду. Дела много, но какое удовольствие и пользу оно приносит!

На благо народов

Saudara pembatja madjallah OGONYOK jth.-

Dengan ini kami mengutjapkan " Selamat " kepada seluruh bangsa-bangsa di Soviet Uni dengan hari peringatan revolusi besar socialis.-

Mudah-mudahan dalam masa jang akan datang rakjat di Soviet Uni akan mentjapai succes-succes jang lebih besar dalam membangun masjarkatnja.-

Wassalam,

(Hardi).-

«Уважаемые читатели «Огонька»!

Поздравляем все советские народы с праздником Великой социалистической революции.

Желаем советским людям добиться еще больших успехов в строительстве своего общества.

С приветом ХАРДИ».

Г-н Харди, глава парламентской делегации Республики Индонезии, недавно посетившей Советский Союз по приглашению Верховного Совета СССР, сказал корреспонденту «Огонька»:

— Это был замечательный визит. Первое и главное, что останется в памяти после него,— это дружелюбие советских людей. Нашу делегацию повсюду встречали очень сердечно.

Второе, о чем нельзя забыть,— это энтузиазм советского народа. Везде мы замечали, что советские люди настойчиво трудятся во всех областях хозяйства и культуры, добиваясь новых успехов в развитии своего общества. При этом я должен отметить, что женщинам принадлежит здесь очень большая роль.

У наших стран — общая цель: сохранить и укрепить мир. Для этого между нами должны существовать прочные дружеские отношения. Дружба между Индонезией и Советским Союзом пойдет на благо обоим нашим народам.

Г-н Харди с юными ленинградками на эскалаторе станции «Площадь Восстания» (Ленинград). Фото В. Капустина (ТАСС).

НАШИ СТРАНЫ— ДРУЗЬЯ!

Генерал-полковник Югославской Народной Армии Павле Якшич, посетивший недавно Советский Союз во главе югославской военной делегации, сказал нашему корреспонденту:

— Мне не приходилось бывать раньше в Советском Союзе. Но я знаю о том пути, который прошла ваша страна после победы социалистической революции. То, что я увидел в СССР, показывает, как много самоотверженного труда народа, как много организаторских усилий вложено в те достижения, к которым пришел сейчас Советский Союз. В основе этих достижений лежит победа социалистической революции, которая дала Советскому Союзу силу, чтобы пройти через большие испытания, включая войну. Октябрьская революция оказала большое влияние на другие страны, в том числе на Югославию.

В годы прошлой войны наши народы были связаны общей борьбой и общими жертвами. Теперь у наших социалистических стран существует еще более крепкая основа для сотрудничества. Я думаю, что отношения между нашими странами будут крепнуть и развиваться, потому что они базируются на принципах передовой общественной науки, на принципах марксизма-ленинизма. Марксизм-ленинизм дает возможность развивать наши отношения в духе братской дружбы и равноправия, учит нас, как побеждать старое общество и экономически и политически, обеспечивая свободу всему народу и каждому человеку в отдельности.

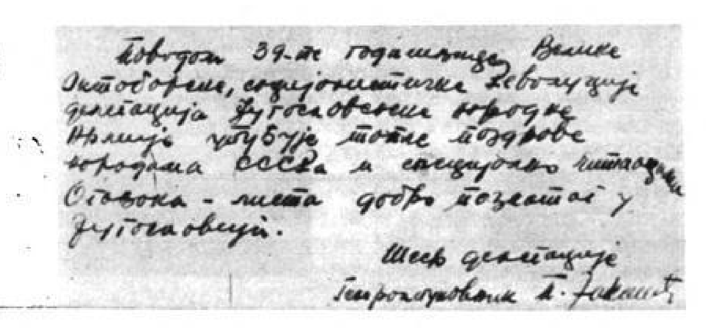
В заключение беседы Павле Якшич берет лист бумаги и пишет:

Генерал-полковник Югославской Народной Армии Павле Якшич. Фото Б. Кузьмина.

«В связи с 39-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции делегация Югославской Народной Армии шлет теплые поздравления народам Советского Союза и, особенно, читателям «Огонька», журнала, хорошо известного в Югославии».

Глава делегации генерал-полковник П. ЯКШИЧ

Поводом 39-те годишњице Велике Октобарске, социјалистичке револуције делегација Југословенске народне армије упућује топле поздраве народима СССР-а и специјално читаоцима Огонька - листа добро познатог у Југославији.

Шеф делегације
Генерал-пуковник П. Јакшић

Привет всем советским людям!

«Я очень рад, что мне предоставляется возможность выразить мои дружеские чувства всем читателям журнала «Огонек».

Я сам принадлежу к их числу.

Я посылаю привет всем советским людям по случаю их национального праздника».

Я очень рад что мне представляется возможность выразить мои дружеские чувства всем читателям журнала "Огонёк".
Я сам принадлежу к их числу.
Я посылаю привет всем Советским людям по случаю их Национального праздника.
25 ... 1956

Эти слова написал по-русски в блокноте нашего корреспондента депутат Национального собрания Франции, бывший председатель Совета министров г-н Эдгар Фор. Недавно он возвратился к себе на родину после месячной поездки по Советскому Союзу.

— Во время своего второго посещения Советского Союза — в первый раз я был здесь двадцать четыре года назад — я повидал гораздо больше,— говорит Эдгар Фор.— Несомненно, что со времени моего первого визита в вашей стране произошли большие изменения. Запоминается большой размах строительства — и жилых домов и промышленных предприятий. На целинных землях, которые только недавно были подняты, меня поразили огромные пространства обрабатываемой земли. Мы были там свидетелями значительных усилий, и мне кажется, что успех в области производства зерна на целинных землях достигнут.

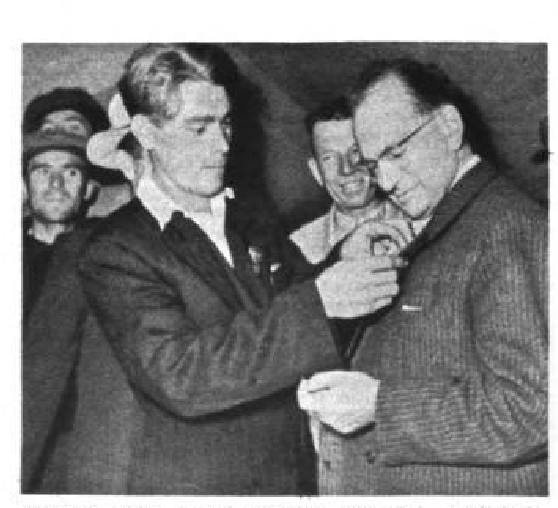
Вашу столицу, где я побывал в 1932 году, теперь трудно узнать. Новые дома, широкие улицы,— словом, она совершенно изменилась. Но я с удовольствием заметил, что, например, Ленинград, где тоже много строится, не изменил своего исторического облика. Реконструкция Ленинграда была проведена очень умело.

Во время моей поездки по Советскому Союзу я встречался и говорил со многими людьми — в первую очередь с различными официальными лицами, а также с теми, кого я встречал просто на улицах, во время посещений заводов и совхозов. Везде меня принимали не только вежливо, но и по-дружески. Все, с кем мне удавалось поговорить, неизменно выражали дружеские чувства к Франции и французскому народу.

Я думаю, что взаимоотношения между Францией и Советским Союзом развились и улучшились, особенно после Женевского совещания глав правительств четырех держав. Много французов приезжает в Советский Союз, советские люди посещают Францию. Мне кажется, следует предоставить еще большие возможности для взаимных посещений не только представителям политических кругов, но и простым людям наших двух стран. Я хочу напомнить, что во время Женевского совещания я предложил программу развития экономических и культурных связей между странами из девяти пунктов. Я надеюсь, что и Запад и Восток продолжат усилия для развития контактов.

— Желает ли г-н Фор еще раз побывать в нашей стране?

— Почему нет? Очень возможно, что я приеду скоро снова в вашу страну. В Сталинграде меня пригласили на открытие гидроэлектростанции, когда ее строительство будет закончено. И если у меня будет возможность поехать, то я обязательно сделаю это. Во всяком случае, я надеюсь, что перерыв между вторым и третьим посещением вашей страны у меня будет короче, чем между первым и вторым.

Эдгар Фор в целинном совхозе «Московский», Кустанайской области. Работники совхоза подарили французскому гостю памятный значок. Фото Ю. Немова (ТАСС).

КРАСОТА И ИСКУССТВО

Сергей КОНЕНКОВ,
народный художник РСФСР

Можно всю жизнь преданно служить красоте, глубоко понимать все ее тончайшие проявления и одновременно испытывать самые большие затруднения, когда надо выразить свое понимание красоты. При этом особенно легко сбиться на проторенную дорогу и одним тем убить великое понятие прекрасного.

Человечество всегда будет преклоняться перед чистотой и целомудренностью прекрасных творений античности. Античность создала бессмертные шедевры. Мастера Эллады раскрыли не только телесную красоту человека, но все его благородство и одухотворенность. Кому посчастливилось побывать в Афинах, тот на всю жизнь сохранит ощущение радости от общения с великими произведениями искусства. В этих творениях человеческого духа — подлинная бессмертная красота, победившая время. Вся сила красоты, быть может, в ее неповторимости. Фидий и Пракситель были первооткрыватели красоты: они не подражали, а создавали свое.

Когда мы разбираем замечательные творения прошлого, нас поражает соотношение частей, симметрия и ритм, цельность и единство и... грациозность. А сколько еще во всем этом неуловимого прекрасного!

Красота не только на полотнах художников, в симфониях или в изваяниях. Щедрой рукой природа раскинула перед человеком свои богатства: миллионы форм цветов, разнообразие и чудесные грани снежинок, палитра радуги, кипение волн. Кто не испытал на себе врачующую власть природы!

Для того, чтобы понимать и видеть природу, нужно чуткое ухо и зоркий взгляд. Тот не художник, кто не приложил своего уха к земле-матери, кто не чувствует соков земли и не видит корней, которыми растения пьют влагу. Подлинным счастьем общения с природой обладал наш современник, советский писатель Михаил Пришвин.

Из множества впечатлений художник отбирает главное, создает свой лейтмотив. Хотя и существует пословица, что о «вкусах не спорят», уже давно созданы законы красоты и гармонии. Именно поэтому подлинный художник избегает внешних эффектов и всегда жертвует частью во имя целого. Мастер понимает суть красоты, ее ритм и самую высокую пластичность.

О законах искусства много написано величайшими мастерами, знатоками своего дела. Это законы пропорции, перспективы, рисунка, композиции, колорита, распределения и смешения красок. Следуя им, и скульптор из бесформенного материала рождает образ человека.

Мастерами искусства накоплен огромный опыт. И время требует, чтобы были сформулированы и основы мастерства, общие многим искусствам.

Художникам, работающим в области пластических искусств, прежде всего необходимо точное знание анатомии, тщательное изучение движений человека. Как много красоты в человеке, в строении его тела,— и это нужно не только чувствовать, но и знать.

Современный художник должен быть на уровне достижений науки своего века. Искусство и наука идут всегда рядом. Для того, чтобы избежать дилетантства, художник должен обладать самым широким образованием. Это отлично понимали такие люди, как Толстой, Репин.

Там, где начинается красота, кончается равнодушие. Камни и мрамор, преображенные ваятелем, дышат, говорят вашим чувствам. А что сказать о мире звуков, когда, соединяясь по воле творца музыки, они становятся чудесной мелодией!

А красота человеческого деяния! Сколько творцов-художников отдали все свои способности, весь свой талант, чтобы славить ум и силу человека! Перед нами бесчисленное количество полотен, где воспеваются единоборство, поединки, драматические столкновения. Образ сильного человека, идеально сложенного, человека благородных порывов пронизывает искусство прошлых веков. Так же не в долгу искусство перед человеческой страстью, женственностью, целомудренностью, материнством. Эти вечные темы всегда волновали художников, находили и будут находить самое достойное и гениальное воплощение.

«Однажды, под впечатлением одной из наших содержательных и интересных выставок, я случайно натолкнулся на сформованный обломок из фронтона Парфенонского храма. Обломок представлял только уцелевшую часть плеча. Меня так и обдало это плечо великим искусством великой эпохи эллинов! Это была такая высота в достижении полноты формы, изящества, чувства меры в выполнении. Я забыл все. Все мне показалось мелко и ничтожно перед этим плечом»,— так писал Репин.

Наш великий русский художник, столь пылко чувствовавший красоту, всего себя отдавал, чтобы проникнуть в глубину народной жизни. Этому он посвящал свое мастерство, весь свой дар. Сколько горения, сочувствия и сопереживания было в Репине, когда он создавал полотно «Бурлаки»! Будто и сам он тянул тяжелую лямку на волжском берегу.

«Без идеи нет великого, художественного создания» — завет Репина. И этот завет стал традицией всего великого русского реалистического искусства.

Наше время выдвигает еще одно понятие — понятие справедливости. Борьба за справедливые общественные порядки характеризует политическую жизнь нашего века.

Солдатами справедливости были те, кто отдавал свою кровь во имя спасения человечества от чумы фашизма.

Стремление к справедливости — это и есть борьба за мир. Справедливость — это стремление матерей растить своих детей для жизни.

В наше время искусство долж-

Никос Белояннис.

но служить справедливости, быть ее неизменным глашатаем. Я не мыслю сейчас подлинно большого художника, который бы не жаждал своей кистью, своим резцом, своей палитрой служить справедливости.

Большим событием в моей творческой жизни было проникновение в образ греческого патриота Никоса Белояинниса. Перед смертью он смотрит на цветок, который держит в руке. Он знает, во имя чего жертвует жизнью.

Наш народ жаждет яркой песни, волнующей картины, потрясающей пьесы, бичующей сатиры. Только тогда искусство сможет выполнить свою великую роль, когда оно будет ярким, самобытным, неповторимым, вдохновенным. А сколько у нас подделок под искусство! Заменители хороши в промышленности, но упаси нас от заменителей в искусстве!

Там, где нет ясного знания предмета, жизни, глубокой мысли, настоящего волнения и переживания, могут процветать только пустоцветы. Даже Вавилонская башня рухнула потому, что была построена на песке.

Каждое произведение искусства имеет свой фундамент, иногда и невидимый глазу. Этим фундаментом является внутренняя работа художника, предшествующая появлению подлинного произведения искусства.

Как кратковременны оказались многие дутые авторитеты, которые держались в искусстве не талантом, не темпераментом и трудолюбием, а только тем, что хотели «рвать с небес звезды», не имея на это никаких прав.

Рафаэль и Рубенс были впереди своего века. Молчалины и Хлестаковы в искусстве тоже забегают вперед — вперед к благополучию, самоуспокоенности, самодовольству.

С каждым днем возрастает культура нашего народа, и эта культура будет лучшим барьером для проникновения в искусство ловкачей.

Народ тянется к подлинной красоте. Она возвышает. Без красоты нет жизни. Нужно всячески развивать и обогащать эстетический вкус народа. А для этого мы обладаем неисчерпаемыми возможностями.

У нас иногда иронизируют по поводу того, что до сих пор на рынке имеют спрос «картины» с изображением замков и лебедей. Но ведь подлинное бедствие, что мы до сих пор не полностью удовлетворяем жизненную потребность народа в красоте. Мы еще мало выпускаем высококачественных репродукций. Наши клубы и дворцы культуры украшаются давно приевшимися копиями самого недоброкачественного изготовления.

Недавно два советских поэта побывали в Бельгии. Любопытный разговор произошел между ними и служителем музея нового искусства. Советские поэты пожелали ознакомиться с каталогом музея, а служитель им ответил: «Зачем здесь каталог! Это же абстрактное искусство. Каждый видит то, что он видит. Один — морской закат, другой — яичницу...» Вот как точно оценил служитель музея то искусство, которое он охраняет!

Вместо влечения к прекрасному перед нами торжество скудоумия, игрушки для обезьян.

Велика ведущая роль советского искусства. Мы творим во имя реализма. А реализм — это могучий океан, в который вливаются самые различные дарования и индивидуальности.

«Реализм родит глубину и всесторонность». Как хорошо это было сказано художником Врубелем! Реализм исключает натуралистические фотографии, формалистическое кривляние, мещанскую успокоенность.

Там, где есть высокая одухотворенность, художник может полностью проявить все свое дарование, полным голосом выразить самые глубокие и сокровенные чувства. Честность в искусстве и свое видение мира — это важно.

* * *

Хочется сказать несколько слов и об особенно близком мне монументальном искусстве.

Я счастлив, что мне пришлось принимать участие в осуществлении ленинского плана монументальной пропаганды. Владимир Ильич уделял огромное внимание искусству и, в частности, скульптуре. Он лично следил за тем, как осуществляются проекты, изготовляются памятники и мемориальные надписи, негодовал на ротозеев и саботажников, тормозивших это дело, которому придавал большое значение.

Надо признать, что ленинский план монументальной пропаганды до сих пор в значительной своей части остался неосуществленным. И я надеюсь, что на предстоящем первом всесоюзном съезде советских художников не будет обойден большой вопрос о монументальной пропаганде.

Трудно переоценить все значение монументальной скульптуры, когда она является результатом вдумчивой работы.

Пройдут века, а все так же будет красоваться над гранитным берегом Невы величественный и одухотворенный «Медный всадник», созданный гениальным Фальконе. Этим творением французский ваятель выразил в образе Петра I все дерзновение и пафос молодой России, внеся значительную лепту в развитие русского и мирового искусства.

В прекрасном городе Ленинграде скульптурный образ всадника, который с рукою простертой летит на коне, до сих пор остается непревзойденным произведением искусства. Как украшает такой памятник весь город! И не только украшает, но и призывает к новым дерзаниям, к победе над злом. Недаром конь прижимает своим копытом змею.

В наши дни особенно велика роль монументального искусства. В любое время года, в любое время суток произведения монументального искусства доступны обозрению. Оно призвано на века донести до будущих поколений величие борьбы советских людей за справедливую жизнь на земле.

И я верю, что в ближайшие годы новые талантливые произведения советского монументального искусства украсят наши города.

Но прежде всего мы в долгу перед светлой памятью основателя Советского государства.

Советские скульпторы и архитекторы должны создать в Москве самое проникновенное и великое произведение искусства — памятник «самому человечному человеку» — Владимиру Ильичу Ленину.

ВОСПИТАНИЕ МОЛОДОГО ХУДОЖНИКА

Ф. МОДОРОВ,
директор Художественного института имени В. И. Сурикова

Московский Художественный институт имени В. И. Сурикова — старейший художественный вуз столицы. Он является преемником Училища живописи, ваяния и зодчества, основанного в Москве в 1843 году. Много талантливых художников, прославивших русское изобразительное искусство, вырастила в своих стенах эта московская высшая художественная школа, отличавшаяся и в дореволюционные годы, в противовес императорской Академии художеств, демократичностью и свободолюбием. Большой и сложный путь прошел наш художественный вуз в советскую эпоху, преодолевая влияние формализма и выводя своих учеников на дорогу искусства социалистического реализма.

Московские художники, занимавшиеся в нашем училище в 1921 году, помнят, как В. И. Ленин и Н. К. Крупская приезжали в общежитие студентов. Ленин смотрел работы живописцев, беседовал с ними. Владимира Ильича интересовало, как и каких художников готовит училище. Для молодого Советского государства тогда были тяжелые времена, но великий Ленин нашел время для того, чтобы близко познакомиться с состоянием художественного образования в стране.

Немало прославленных сейчас художников вышло из стен нашего учебного заведения за годы Советской власти. Институт может гордиться и последним выпуском, 1956 года.

В числе выпускников нынешнего года — большая группа живописцев. Тематика их дипломных работ широка и разнообразна. Молодых художников увлекло и величие наших строек, и освоение целинных земель, и трудовые будни Подмосковного угольного бассейна. Есть работы, посвященные русской революции 1905 года, гражданской войне, Великой Отечественной войне. Бесспорным профессиональным мастерством и ярким содержанием отмечены работы дипломников-живописцев А. Тимофеева «Весна на Ангаре», М. Кенбаева «Песня чабана», Р. Галицкого «На целине», П. Никонова «Октябрь», Л. Новицкого «Гости», И. Галицкой «Новоселы» и картины многих других выпускников. Немало отличных работ на графическом и скульптурном факультетах. Только по одному живописному факультету Министерство культуры отобрало девятнадцать работ для Всесоюзной художественной выставки 1957 года.

Институт намеревается вскоре организовать отчетную выставку лучших произведений студентов всех курсов и факультетов.

Организация отчетных выставок необходима и всем другим художественным вузам страны. Эта традиция бывшей Петербургской Академии художеств и Училища живописи, ваяния и зодчества должна быть полностью восстановлена. На таких отчетных выставках, где представлены и академические задания, выполняемые в мастерских, и домашние работы, могут быть проведены интересные обсуждения.

Особый интерес представил бы на подобных выставках показ летней производственно-творческой практики студентов.

Каждую осень Институт имени Сурикова подводит итог летней практики. В этом году результаты ее особенно разнообразны и интересны. Свыше 300 студентов работало на Ангарстрое, в Братске, на целинных землях Казахстана и Алтая, на заводах в Сталино, на Урале, на Косогорском металлургическом комбинате, на стройке Горьковской ГЭС, в Московской, Ивановской, Владимирской областях. Впервые в этом году студенты выезжали на практику за пределы нашей Родины. Недавно такая группа возвратилась из путешествия в Индию.

Именно на практике студент учится отбирать в громадном многообразии жизненных явлений основное, ведущее. Окончив практику, молодые художники устраивают для своих новых друзей отчетные выставки из созданных за лето произведений. В этом году тысячи рабочих, колхозников и представителей интеллигенции посмотрели такие выставки.

Была устроена такая выставка и в далекой Калькутте, прошедшая с успехом. Тогда же завязались дружеские отношения между суриковцами и индийскими художниками, которые, несомненно, будут укрепляться.

Наших студентов не приходится уговаривать ехать на практику в Сибирь или на Дальний Восток. Они сами просят послать их туда, где могут встретить больше трудностей, найти интересный материал. На Братской ГЭС молодые художники работали иной раз в накомарниках и в перчатках, а жили в палатках, так же, как и на целине в 1954 году. В Индии наших практикантов изнуряла тропическая жара, а по дороге, в Аденском заливе и Индийском океане, пароход трепали жестокие штормы. Но все это не мешало молодежи работать с увлечением и энтузиазмом.

Конечно, не всегда дипломные работы бывают вполне завершенными с художественной стороны. Нередко можно видеть произведения серые по живописи, хромает подчас рисунок. К сожалению, некоторые молодые художники в дипломных работах все еще увлекаются неоправданно большими размерами композиций, и бороться с этим увлечением нелегко. В результате же получаются сырые, незаконченные картины. Напрасно также при разборе недостатков в работах выпускников порой проводятся неоправданные сопоставления с великими мастерами, такими, как Репин, Суриков, Васнецов... Критики словно забывают, что перед ними первая самостоятельная работа молодого человека. Далеко не каждый из крупнейших мастеров прошлого полностью проявил свое дарование уже в дипломной работе.

После института молодым художникам необходимо долгие годы много и упорно работать. Только самоотверженный труд и накопление больших жизненных наблюдений помогут им создать значительные произведения.

Олег Толстой, правнук Л. Н. Толстого, за работой над дипломной картиной «Первая Конная».

Фото Б. Кузьмина.

П. Ф. Никонов. ОКТЯБРЬ.

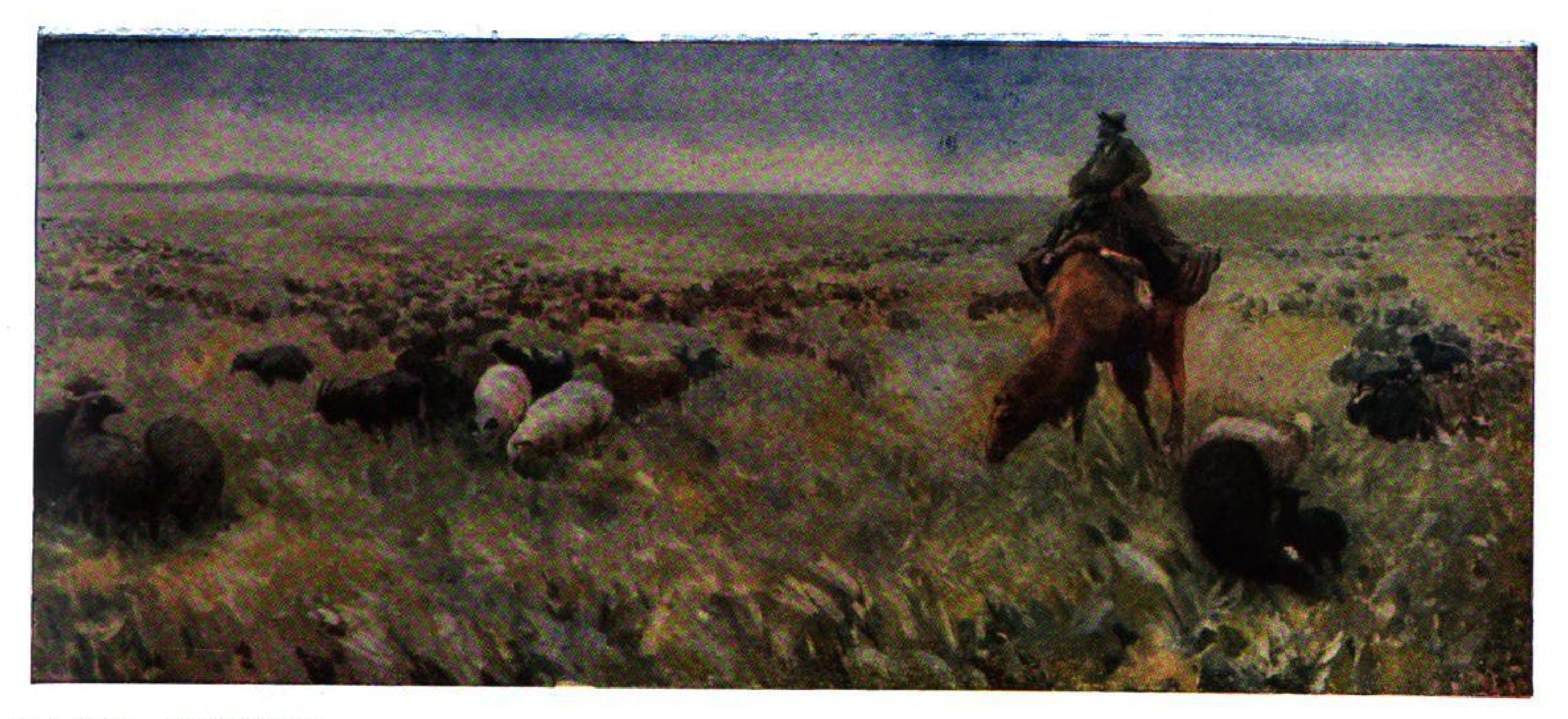
«Огонек». 1956.

Р. Н. Галицкий. НА ЦЕЛИНЕ.

А. П. Тимофеев. ВЕСНА НА АНГАРЕ.

М. С. Кенбаев. ПЕСНЯ ЧАБАНА.

Л. С. Новицкий. ГОСТИ (Пограничники в гостях у бурятов).

Фотографии из жизни Аллы Вареновой

«Вот она какая, наша Аллочка!» — И мне показали этот снимок. Всматриваясь в юное лицо — ну, прямо семиклассница!— невольно усомнишься в том, что это и есть та девушка, о которой так много говорили на заводе.

...В Калининградской области имеется небольшой городок Советск. Там живет семья Вареновых, семья погибшего в войну офицера. На руках Валентины Васильевны, учительницы младших классов, оказалось трое ребят. Нелегкая материнская доля выпала ей. Но Валентина Васильевна твердо решила во что бы то ни стало вывести детей в жизнь. Младший сын, Валерий, теперь уже в девятом классе, средняя, Зоя, в этом году окончила десятилетку, а старшая, девятнадцатилетняя Алевтина...

О ней подробнее. Получив в прошлом году аттестат зрелости, Алла подалась в Минск, чтобы поступить в институт. Но по конкурсу она не прошла. Тут-то и проявился твердый характер девушки: Алла решила поступить на производство и заниматься заочно.

Вот уже второй год, как Алла работает на Минском радиозаводе. Должность контролера в сборочном цехе весьма ответственна, но девушка теперь легко справляется со своими обязанностями. Недавно ей был присвоен шестой разряд.

Второй год занимается она в вечернем университете марксизма-ленинизма. Консультант, кандидат экономических наук, доцент З. З. Дудич знаниями своей слушательницы доволен.

С детства увлекалась Алла игрой на скрипке. Не забросила она ее и в Минске. Под руководством преподавателя музыкальной школы В. Зверева она разучивает скрипичный концерт Зейтца.

Алла — активная комсомолка. Сегодня она пришла на заседание заводского комсомольского комитета и резко поставила вопрос о том, что сборочный цех плохо снабжается деталями и работает неритмично, с простоями.

Алла любит театр и кино, танцы и молодежные вечера, а в свободное время она, как и все подружки по комнате, с увлечением занимается вышивкой. ↓

В воскресенье Аллу можно увидеть в Минском аэроклубе. Летному мастерству ее учит инструктор А. П. Быков, тоже воспитанник радиозавода. ↓

...Планер в воздухе. Как и в жизни, перед Аллой Вареновой открыты широкие горизонты.

В. ПОНОМАРЕВ
Фото А. Горельчика

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ АШХАБАДА

С. МОРОЗОВ

Фото В. Темина.

Застывшими волнами барханов подступает к Ашхабаду с севера песчаный океан — Кара-Кумы. Исполинской крепостной стеной высится на юге хребет Копет-Дага. И неоглядем в солнечном блеске безоблачный купол небосвода, слепящий синевой, раскаленный, огнедышащий.

Город, стоящий на рубеже пустыни и гор, молод по возрасту. Но как много пережил он на своем веку! Всего только в восьмидесятых годах прошлого столетия рядом с кибитками текинского аула Асхабад возникли первые дома русского военного укрепления. А спустя шестьдесят с небольшим лет, когда бывший центр Закаспийской области давно уже превратился в столицу Советской Социалистической Туркмении, разразилась катастрофа. Глубоко в недрах Копет-Дага сдвинулись складки земной коры. И этого оказалось достаточно, чтобы за несколько секунд тысячи городских строений превратились в развалины.

В ночь на 6 октября 1948 года сейсмологические станции всего мира зарегистрировали в районе Ашхабада подземные толчки силой в 9 баллов. По существующей шкале землетрясений такой оценке соответствует характеристика: «Опустошительное».

В документальном фильме об ашхабадском землетрясении особенно впечатляет один кадр. На стене двухэтажного дома, чья кирпичная кладка разорвана точно ситец, под сдвинувшейся крышей каким-то чудом сохранились большие электрические часы. Стрелки на циферблате застыли на двенадцати минутах второго. Да, это было после полуночи, когда жители туркменской столицы спали крепким сном.

Но жизнь города не оборвалась в ту ночь. И как ни потрясают сменяющиеся на экране картины разрушения, зритель кинолетописи видит, запоминает и другое: всюду движутся люди, люди и машины. Спасательные отряды разгребают руины, на самолетах эвакуируют раненых, автомобили и поезда везут к Ашхабаду стройматериалы и продовольствие. Озабоченно снуют меж развалин строители с развернутыми чертежами, с инструментами. В те суровые дни тысячи советских людей, трудящиеся многонациональной братской семьи народов, съезжались в туркменскую столицу по зову партии и правительства, по велению собственных сердец, чтобы помочь искалеченному городу.

Гаснет экран. Из полутемного просмотрового зала мы выходим на залитую солнцем улицу. И нам открывается сегодняшний Ашхабад — живой, строящийся, цветущий. Всякий, кто помнит столицу Туркмении до катастрофы, сразу почувствует: новый город выглядит просторней, нарядней, чем старый, он как-то выше ростом, краше лицом.

← Ашхабад в октябре 1956 года.

Там, где прежде на километры тянулись приземистые мазанки с плоскими земляными крышами и глинобитные дувалы, теперь поднимаются двух- и трехэтажные дома. Нередко, правда, они соседствуют с пустырями, и асфальтовые полосы мостовых упираются вдруг в заборы. Но почти на каждом пустыре лязгают стальными челюстями экскаваторы. Почти над каждым забором маячат башенные краны, поднимается свежая кирпичная кладка.

Не надо быть специалистом, чтобы заметить одну немаловажную особенность ашхабадских новостроек: большой запас прочности. Тут и там сквозь ряды кирпичей стеблями причудливых растений пробиваются ввысь толстые стальные прутья арматуры. На светлом фоне каменной кладки резко выделяются широкие темные полосы железобетонных креплений, в несколько рядов опоясывающих здания. Армированная кладка и антисейсмические пояса служат надежным каркасом для каждого вновь строящегося дома.

Прочность железобетона, его способность противостоять самым сильным сотрясениям почвы проверены еще в октябре 1948 года. Когда глинобитные и кирпичные здания валились, будто карточные домики, железобетонный массив текстильной фабрики имени Дзержинского стоял непоколебимо. Выстроенная в годы пятилеток фабрика уцелела в разрушенном городе, как своеобразный памятник советского индустриального строительства.

Сегодня высокая, украшенная часами башня фабрики возвышается не только над корпусами цехов, но и над новыми жилыми кварталами главной городской магистрали — проспекта Свободы.

На семь с лишним километров тянется эта ровная, широкая полоса асфальта, обрамленная рядами тенистых деревьев и живой изгородью густого, аккуратно подстриженного кустарника. Но-

Дом культуры железнодорожников.

Жилые дома.

вые дома, в которых живут текстильщики, железнодорожники, рабочие стекольных заводов, снабжены водопроводом, канализацией, паровым отоплением. Удобства эти были редкостью в прежнем, старом Ашхабаде. Просторные веранды затенены резными решетками с затейливым восточным орнаментом, обвиты кудрявыми стеблями дикого винограда. Когда на улице под солнцем размягчается асфальт, внутри квартир — приятная прохлада.

Ближе к центру города жилые массивы сменяются общественными зданиями. Изящны, хорошо продуманы архитектурные ансамбли. Круто ввысь поднялся семью своими ярусами республиканский архив, по ашхабадским масштабам прямо-таки небоскреб! Одно только здание в городе может сравниться с ним своими размерами — новый театр с зрительным залом на 800 мест, строящийся на углу проспекта Свободы и Пушкинской.

На второй по значению городской магистрали — улице Гоголя — сооружается городок Туркменской Академии наук. Первые корпуса, соединенные легкой аркадой, уже поднялись над былым пустырем. Изрыта котлованами, огорожена глухим забором стройплощадка новых зданий университета. В недалеком будущем здесь образуется Республиканская площадь, одна из новых, красивейших в городе площадей.

И университета и Академии наук Туркменской ССР не было в старом Ашхабаде. Их создали сравнительно недавно, уже после землетрясения. И сегодня молодые ученые с ашхабадским университетским дипломом трудятся на сейсмологических станциях, в лабораториях Института физики и геофизики. С помощью чувствительных приборов изучают они процессы, происходящие в недрах земной коры, познают природу землетрясений. Работают ученые и над тем, как предохранить здания от разрушений при колебаниях почвы. В Институте антисейсмического строительства создаются прочные, устойчивые конструкции, образцы новых, повышенной крепости строительных материалов.

Столица Туркмении становится крупным культурным центром. Свыше десяти тысяч юношей и девушек учатся в трех вузах и восемнадцати техникумах Ашхабада. Строители, ирригаторы, железнодорожники — многие специалисты для народного хозяйства республики готовятся здесь. Вслед за медицинским институтом, отстроенным заново в центральной части города, на недавней окраине, по соседству с Ботаническим садом, растут корпуса сельскохозяйственного института. В новых домах разместились школы, больницы, поликлиники. Молодыми посадками обогащаются городские парки и скверы.

Вступают в строй новые артезианские скважины и насосные станции. Поднятая из глубинных подпочвенных слоев вода живительным потоком журчит в арыках, орошающих сады и огороды, плещет в большом бетонированном бассейне городской купальни. С ранней весны и до глубокой осени проводит здесь свой досуг молодежь. Первоклассных пловцов-рекордсменов посылал в Москву на олимпиаду далекий от морей и рек Ашхабад.

Обновленный стройкой город поднимается ввысь, раздвигается вширь, отвоевывая новые площади в песках пустыни и предгорьях Копет-Дага. За вокзалом, отстроенным заново, за линией железной дороги, связывающей Ашхабад с братскими республиками Средней Азии и побережьем Каспия, прежде, до землетрясения, теснились в беспорядке глинобитные мазанки, окутанные пылью немощеных дорог. Теперь тут строго распланированы кварталы индивидуальной застройки. Новенькие, сверкающие свежей побелкой домики чередуются с молодыми садами вдоль асфальтовых мостовых.

Преображаются и соседние с городом туркменские аулы. В колхозе имени Ворошилова мы побывали на новоселье у седобородого Анакурбана Назарова. С хозяйской гордостью показывал он нам свой только что отстроенный четырехкомнатный дом, любовно поглаживал блестящие оконные стекла, шнуры электропроводки на свежеоштукатуренных стенах. Особенно нравится старику то, что цветистые ковры можно стелить теперь не на голой земле, а на дощатом, тщательно выстроганном и окрашенном полу.

— Плановый дом, не то что «времянка»! — радостно улыбался Анакурбан, кивая в сторону соседней невзрачной мазанки.

Было время, после землетрясения собственноручно слепил он себе это нехитрое жилье. А теперь время «времянок» проходит. И недаром колхозники называют свои новые дома «плановыми». Ведь строятся они по типовым проектам, под наблюдением архитектора. По единому генеральному плану растущего города перестраиваются ближние к Ашхабаду аулы. Много овощей и винограда, мяса, молока дают на ашхабадские рынки труженики пригородных полей. А скоро начнут поставлять еще и битую птицу и свежие куриные яйца: крупнейшей в республике птицефабрикой обзаводится колхоз-миллионер имени Ворошилова.

Новому, возрожденному Ашхабаду всего только восемь лет. Великое строительное наступление, начатое восемь лет назад, сразу после стихийной катастрофы, сегодня в полном разгаре. Серьезны, значительны первые итоги этих лет: 365,5 тысячи квадратных метров благоустроенной жилой площади получили горожане.

Казалось бы, это немало. Нет, далеко, далеко еще не достаточно, особенно если учесть, что самих-то горожан — жителей туркменской столицы — стало теперь куда больше, чем было прежде.

Воздвигнуть новый город на руинах старого не так-то легко. Главный архитектор Ашхабада Юрий Андреевич Траутман, в недавнем прошлом главный архитектор Севастополя, хорошо знает это по собственному опыту. Беседуя с нами, он убежденно говорил:

— И Ашхабад отстроим по-севастопольски!

Строителей туркменской столицы, как и тружеников, возродивших черноморскую твердыню, вдохновляют отеческая забота партии, братская помощь всего советского народа.

На улицах Ашхабада в октябре 1948 года.

Воскресение Джо Хилла

Из цикла «Далекие друзья»

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

Большой черный человек шагает по комнате. Он пересекает ее по диагонали, поворачивается, идет обратно, снова поворачивается, и кажется, что этому не будет конца. Он очень велик, этот человек, но сбит так крепко, что неуклюжим и даже грузным его не назовешь. Ступает он совершенно бесшумно, и по тому, как нетороплив, ритмичен его шаг, нетрудно догадаться, что он погружен с головой в какую-то целиком захватившую его думу.

Час поздний. Городской, измученный в блужданиях меж каменных громад, пропахший бензиновой гарью ветер вяло трогает ткань занавеса на большом окне. Изредка он доносит шипящий шелест шин, отдаленный пароходный гудок, шаги прохожих, обрывки разговоров. А вот послышалась мелодия. Поет молодой голос, поет проказливо, с такими озорными вариациями, какие умеют выводить лишь молодые негры.

Черный человек остановился, застыл, прислушался. Может быть, потому, что песня смягчена расстоянием и залетает в окно вместе с глухим шумом засыпающего города, звучит она необыкновенно приятно. Улыбка, появившаяся не на губах, а где-то в глубине больших усталых глаз, осветила широкое лицо. Человек подошел к окну, отвел занавес, послушал и в такт песне, звучащей уже близко, стал покачивать большой курчавой головой. Улыбка, разгораясь в глазах, тронула широкие мясистые губы, и есть в этой улыбке что-то детское.

Поющие проходят уже под самым окном. Слышно, как в такт песне отщелкивают подошвами по асфальту, как кто-то бьет себя по надутым щекам, извлекая смешные, но ритмичные звуки. Голос певца, хрипловатый, не очень сильный, выписывает такие рулады, что кажется, будто поет и щелкает какая-то птица, а не этот черный, гибкий, как тростинка, парень в светлом сверхмодном костюме и оранжевом галстуке, что шагает по тротуару в компании приятелей.

Большой человек вдруг перегибается через подоконник, подхватывает песню, и озаренная рыжим электрическим заревом ночь наполняется таким могучим, таким просторным басом, каким обладает, возможно, всего-навсего один человек в мире. Бархатный голос мягкой лавиной обрушивается на пустую, сонную улицу. Подгулявшая компания на мгновение останавливается. Потом парни подбегают к окну, благоговейно застыв, прослушивают последнюю ноту, звучащую, как гром небесный, и, когда настает тишина, начинают так аплодировать, что кажется, вот-вот ладони их разлетятся вдребезги. Певец, улыбаясь, потрясает сжатыми ладонями, потом заговорщицки показывает на часы, отечески грозит пальцем и, отступив, бесшумно закрывает окно.

Под окном стихло, а большой человек все еще улыбается. Но вид у него смущенный. Он виновато смотрит на молодого чернолицего гиганта, что, переломив пополам голенастые ноги, сидит в низеньком кресле и один играет в шахматы, воспроизводя какую-то партию. Сейчас он оторвал взгляд от доски и недоуменно смотрит на певца.

— Отец, ты, кажется, хочешь дать открытый концерт, не испросив разрешения полиции?

Задорная улыбка уже сошла с мясистых губ, погасла в глазах, и опять глаза эти стали усталыми.

— Они так здорово пели, эти парнишки... Ну, кто у тебя там наступает: Смыслов или Бронштейн?

Оба смотрят на шахматную доску, старший и младший, оба большие, массивные, очень разные и в то же время чем-то внутренним, более выразительным, чем портретное сходство, похожие друг на друга.

— Не кажется ли тебе, отец, что вот здесь слон Смыслова промахнулся, а? Нет, серьезно, черные могли выиграть, а не ограничиться ничьей. Сейчас я попробую переиграть всю партию... А ты о чем думаешь? Все эта телеграмма из Канады? Да?

— Да. Телеграмма из Канады. О ней я думаю,— отвечает старший и вновь начинает мерить шагами комнату.— И еще о Джо Хилле.

— Джо Хилл? При чем тут Джо Хилл? О его песнях?

— Нет. Не о песнях. О нем самом... Играй, играй... Может, тебе удастся спасти слона, и Смыслову не будет надобности соглашаться на ничью...

Надо ли называть этого человека, что сейчас размашистым шагом мерит большую, пустоватую комнату, обставленную низенькой, будто бы присевшей на корточки мебелью? Он напоминает льва в клетке. Да он и есть лев в клетке — Поль Робсон, только клетка его теснее, чем те, в каких держат львов в зоопарках... О, эта клетка! Она особенно страшна потому, что никто не видит ее решеток. Не видит и тот, кто в эту клетку зайдет. Он только ощущает эти решетки, поминутно на них натыкаясь. И вот, как плененный лев, ходит взад и вперед по комнате большой черный человек, и тот, что помоложе, что сидит возле шахматной доски, будто весь погруженный в разбор мастерской партии, исподтишка, незаметно следит за ним, и в молодых горячих глазах его тревога.

— Ну, как дела у белого слона, Поль?

— Что?.. Ах, у слона... Нет, Смыслов, кажется, все-таки был прав, согласившись на ничью. Ты бы присел, отец. У меня начинает рябить в глазах от твоего хождения. Никак не сосредоточусь.

— Настоящего шахматиста ничто не отвлечет от партии.

— Ну, значит, я не настоящий.

Поль Робсон-младший, вздохнув, углубляется в шахматы. Поль-старший продолжает ходить. Да, любая клетка страшна для тех, кто любит свободу. Но трижды страшна эта проклятая клетка, прутьев которой не видишь.

Сначала Робсону запретили выезжать за границу. Нет, я оговорился. Не запретили. Здесь любят поговорить о свободе личности и не выносят само это слово «запретить». Ему просто отказались выдать заграничный паспорт. Одна из крупнейших кинокомпаний приглашает его сниматься в фильме — отказ. Международное европейское гастрольное общество предлагает выгодный контракт на турне по столицам — отказ. Избирают на Всемирный конгресс, где будут представители всех наций,— отказ. Просто не выдают паспорта — и все.

Артист до мозга костей, видящий смысл жизни в том, чтобы нести людям свой дар, свое искусство, он из писем знает, как ждут его во всех странах. Он снова обращается за паспортом, ссылается на конституцию, на американские традиции. Его слушают. Улыбаются... Конституция, традиции — это конечно. Если он изменит убеждение, отмежуется от друзей, перед ним распахнется дверь во все страны... Певец оскорблен. Кто смеет требовать, чтобы американец менял убеждения! Свобода личности — это ведь записано в конституции... Да, да, конечно, он, разумеется, вправе поступать, как хочет. Но заграницы тогда ему уж не видать. С безжалостной неудержимостью, какая бывает в кошмарах, он чувствует, как решетка сдвигается, решетка клетки...

Большой человек, продолжая ходить по комнате, мучительно морщит лоб. Конституция! Сколько способов изобретено, чтобы обходить конституцию! Ему и сейчас никто не запрещает выступать в лучших концертных залах страны, которые когда-то ломились от толп желающих его послушать. Но сколько уже лет закрыты для него все концертные залы и даже эстрады! Владельцы одних вежливо говорят, что были бы рады сдать их ему, но все вечера уже расписаны. Владельцы других отказывают с грубой простотой: не велика радость очутиться перед сенатской комиссией по расследованию. Владельцы третьих, те, кто когда-то нажил на его выступлениях немалые деньги, может быть, и готовы рискнуть, да боятся: если они нарушат бойкот,— их самих разорят.

А этот концерт в Пикскилле! Он вместе с друзьями дает его вопреки всему, как бой за настоящую Америку. Банды озверелых расистов стягиваются со всей округи. Они нападают на толпы идущих на концерт, опрокидывают машины, Ку-клукс-клан жжет на холме свой крест,— и все-таки концерт состоялся. Там, на эстраде, певец на миг почувствовал себя свободным. Стоило рискнуть головой! Но миг проходит — и решетка смыкается еще теснее. Теперь уже и профсоюзные клубы, где ему удавалось изредка петь для рабочих, вынуждены отказывать ему. Прекратился заработок. Артисту, с которым лучшие гастрольные бюро мира готовы заключить выгоднейшие контракты, не на что жить. Чтобы просуществовать, приходится расставаться с тем немногим, что нажито было в лучшие времена. Но певец продолжает бороться. Недаром течет в нем кровь настоящего американца, недаром предки его вместе с белыми сражались в рядах бойцов за свободу.

В Гарлеме, этом большом негритянском городе, как бы вправленном в огромный город Нью-Йорк, в этом единственном в Соединенных Штатах месте, где американец-негр чувствует себя полноправным гражданином, люди обожают своего Робсона. И хотя это самый бедный район и жители его в большинстве своем ведут счет не на доллары, а на центы, здесь для своего певца готовы разломить пополам последний хлеб. Чтобы не дать своим мучителям похоронить голос, великий певец поет в церквах Гарлема. Это бед-

ные церкви. Их прихожане — лифтеры, грузчики, посыльные, уборщики, чистильщики сапог. Они ничего не могут заплатить, но зато какая это музыкальная, отзывчивая, благодарная аудитория! Здесь с откровенным простодушием плачут от восторга, слушая псалмы, родные негритянские мелодии, песни мира. Растроганный, сходит певец с кафедры после таких выступлений. Взволнованный, шагает домой, сопровождаемый толпами почитателей, по унылым, закопченным улицам. Негритянские церкви, разве это плохо? Раз можно петь,— значит, можно жить. Он трудовой человек и не привык к роскоши. Этот простодушный восторг, чем он хуже аплодисментов посетителей Карнеги-холла? Вот деньги... Но ничего. Как-нибудь перебиться можно. Жена, Эсланда,— добрый товарищ, она коечто зарабатывает репортажем при ООН, на кусок хлеба хватит, и не так уж важно, если он, этот кусок, будет не слишком жирно намазан маслом.

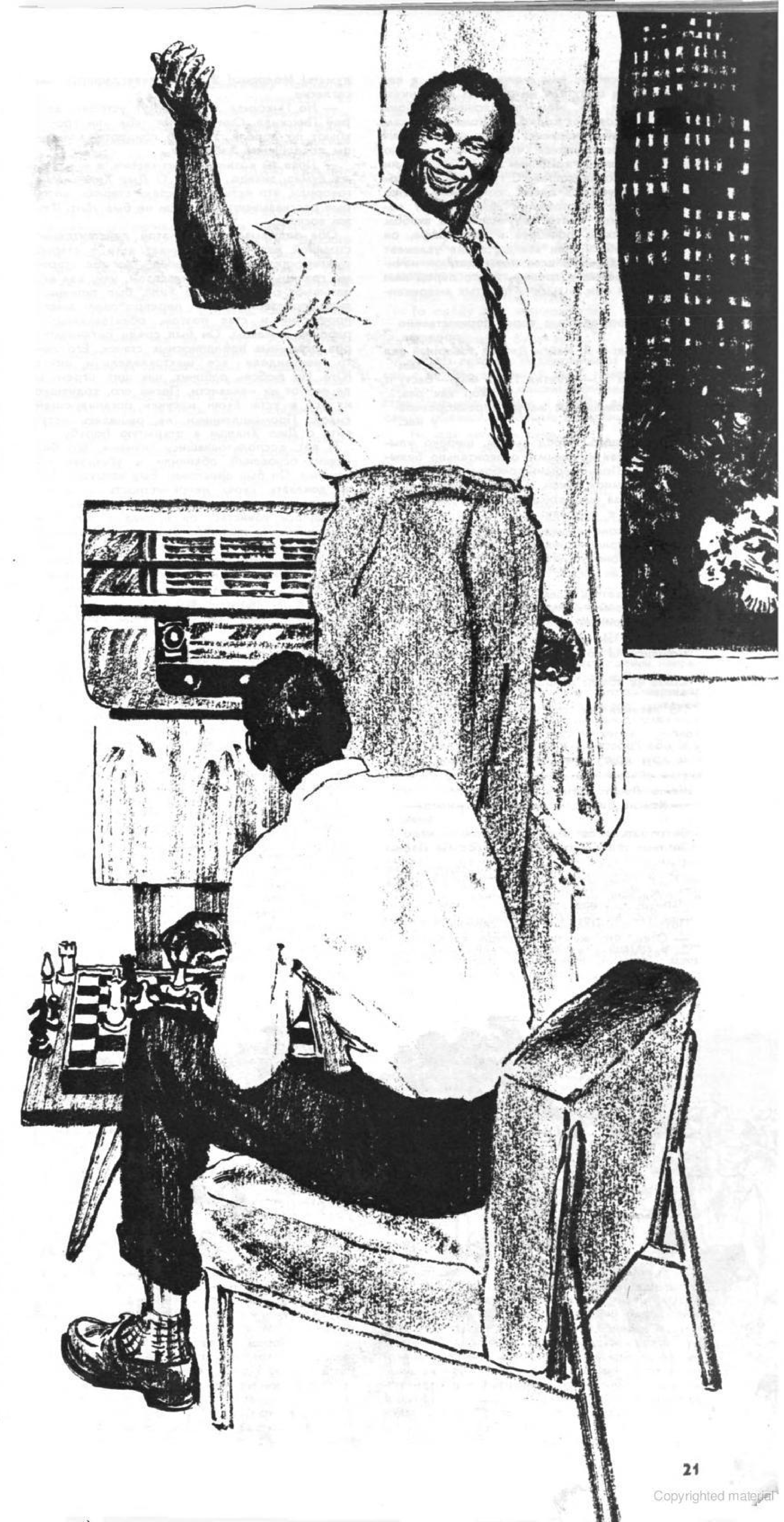
Затравленный, измученный, он отдыхает душой на кафедрах негритянских церквей. Те, кто закрыл для певца сцены и эстрады,— разве они посмеют вмешаться в церковные дела? Но в один прекрасный день представителей церковных общин приглашают в банк. Ведь это у вас поет Робсон? Нет, нет, это — ваше дело, у нас, разумеется, и в помыслах нет встревать в дела дома божия. Но мы вынуждены предупредить вас: если этот субъект будет петь у вас, мы закроем ваш счет. Это воля совета директоров... Страховой агент приходит в церковную общину и печально говорит: «Я очень сожалею, господа, но вынужден передать вам, что если мистер Робсон будет петь у вас, страховая компания погасит ваш полис. Ведь вас могут в любую ночь поджечь, а компания не может рисковать деньгами...» Как всегда в Америке, никакого формального запрещения. Но и церковки Гарлема закрыты перед великим певцом.

— Фарисеи, проклятые фарисеи! — говорит сквозь зубы певец, вспоминая об этом новом нанесенном ему ударе.

В Римской империи людей прибивали к крестам. В Японии в давние времена людей укладывали на землю, и побеги бамбука прорастали сквозь живое тело. Египетские фараоны приказывали опрокидывать на грудь неугодного им человека глиняный горшок, в который сажалась голодная крыса. И крыса эта прогрызала себе выход сквозь сердце. Какая кустарщина! Как все это примитивно по сравнению с изощренной пыткой, что придумана в современной Америке для одного из величайших певцов современности! Никаких ржавых гвоздей, бамбука, крыс. Ни капельки крови. Просто великого артиста, который всю жизнь был кумиром слушателей, человека, что силой своего таланта умеет расшевелить и покорить любую аудиторию, выступлений которого ждут во всех странах мира, лишили возможности выступать. И все. Меняй убеждения или хорони голос, заживо умри для искусства...

И вот, когда в клетке уже нельзя повернуться, вдруг эта телеграмма из Канады. От Ванкуверского отделения союза рабочих горнорудной промышленности — странно смелое предложение. Заманчивое, опасное, так напоминающее о великолепных днях расцвета рабочего движения, когда в начале века в Соединенных Штатах и в Канаде действовал знаменитый Союз индустриальных рабочих мира — могущественная, сплоченная организация, устраивавшая грандиозные, победоносные стачки, смело вступавшая в борьбу с самыми крупными капиталистическими монополиями. Канадские шахтеры предлагают Робсону дать для них концерт у самой границы Америки, не выправляя иностранного паспорта, петь для них, иностранных слушателей. Молодцы! Ведь придумали. Смело и озорно! Совсем как в славные времена, когда на Западе ворочали профсоюзными делами Большой Билл[1] и Джо Хилл. Веселый Джо Хилл, талантливый Джо Хилл, отчаянно смелый Джо Хилл, любимец горняков, железнодорожников и металлургов, Джо Хилл, грубоватые песни

[1] Уильям Д. Хейвуд — один из виднейших деятелей американского рабочего движения. Умер в 1928 году.

которого и сейчас еще можно слышать в кабачках возле шахт или на рабочих собраниях.

Размышляя об этом предложении, Поль Робсон продолжает ходить по комнате и, сам того не замечая, напевает песню про штрейкбрехера Кейси Джонса, что, выполняя волю железнодорожной компании Эс Пи Лайн, в дни забастовки повел состав. С грубоватым юмором повествуется в песне, сочиненной Джо Хиллом, как забастовщики свалили этот состав под откос и что получилось со скэбом Джонсом, когда, погибнув в катастрофе, он попал на небеса. Как всегда, песня увлекает Робсона. Позабыв о всех невзгодах, он начинает петь громче и громче, будто перед ним не один его сын, а тысячи простых американцев:

...У райских золотых ворот торжественно представ,
Он заявил: — Я, Кейси Джонс, товарный вел состав.
— Ну что ж,— ответил Петр ему,— бастует хор как раз.
Работу можешь ты найти штрейкбрехера у нас.

Остановившись перед сыном, широко улыбаясь, сверкая крупными, ослепительно белыми зубами, Поль-старший требовательно взмахивает огромной рукой, и Поль-младший, поднявшись из-за шахматной доски, присоединяет свой голос к припеву:

Кейси Джонс нашел работу в небе.
Кейси Джонс нашел себе там рай.
Кейси Джонс у ангелов за скэба
Так же, как на Эс Пи Лайн.

И, уже светясь всем своим лицом, становящимся почти мальчишеским, Робсон-старший выговаривает певучим речитативом:

Собранье ангелы устроили. И вот
Сошлись на том, что Кейси Джонс и им не подойдет.
Союз их номер двадцать три,— он есть там, говорят,—
По лесенке его спустил, пинком поддавши в зад.

И оба Робсона — старший и младший, положив друг другу руки на плечи, весело и ритмично покачиваясь, выводят:

Кейси Джонс летит с небес до ада.
— Кейси Джонс,— сказал тут дьявол,— знай:
Выгребать тебе здесь серу вечно надо
За твое штрейкбрехерство на Эс Пи Лайн...

Ах, как лихо допеты эти последние две строчки! Отец и сын смотрят друг на друга и, довольные, начинают смеяться.

— Здорово! Вот так дуэт!

Потом Поль-младший тихо спрашивает:

— Отец, что же ты ответишь канадцам?

— Разумеется, да. Надо же так хорошо придумать! Молодцы! Я сейчас телеграфирую им согласие.

— Но Пикскилл... Тебе могут устроить второй Пикскилл. Они линчуют тебя или просто убьют по дороге. Узнав о концерте, клановцы совершенно взбесятся...

— Пока ты возился с шахматами, я все время думал, знаешь, о чем? О Джо Хилле. Мне говорили, что есть в тех краях старики, которые рассказывают, будто он не был убит. Или же воскрес.

Оба задумываются об этой действительно странной легенде, что живет еще в старых шахтерских семьях на западе, по обе стороны границы. Джозеф Хиллстром, или, как его называют рабочие, Джо Хилл, был типичным янки-пролетарием, он перепробовал много профессий и стал поэтом, обаятельнейшим рабочим-вожаком. Он был среди организаторов огромных победоносных стачек. Его люто ненавидели все шахтовладельцы штата Юта. Но любовь рабочих, как щит, ограждала его от их ненависти. Песни его, ходившие из уст в уста, были могучей организующей силой. Промышленники не решились вступить с Джо Хиллом в открытую борьбу.

И вот, воспользовавшись случаем, его без всяких оснований обвинили в убийстве лавочника. Он был арестован. Ему нетрудно было доказать свою непричастность к этому грязному делу, так как ночь, в которую совершилось убийство, он провел с любимой женщиной. Но женщина была женой другого. Поэт, оберегая ее имя, не прибег к этому неопровержимому свидетельству. Он спокойно выслушал смертный приговор. Ожидая его исполнения, он продолжал писать язвительные стихи, и последними его словами, донесшимися из тюрьмы на волю, была просьба к друзьям не тратить попусту времени на оплакивание. Таков был Джо Хилл.

Огромной забастовкой, потрясшей весь американский запад, ответили рабочие на казнь своего любимца[1]. Тридцать тысяч человек провожали его в последний путь. Тело его было сожжено. Прах по его наказу друзья рассыпали в пакетики, пакеты эти разослали рабочим организациям всех стран мира и сорока семи штатов, и те развеяли его по ветру. По всем пяти материкам и всей Америке, кроме штата, где поэт был предательски убит.

И вот сейчас, получив приглашение из краев Джо Хилла, певец невольно думает о жизни и смерти этого удивительного человека. В ушах его неотвязно звенят старые рабочие песни, сочиненные поэтом-борцом, и из ума не идет легенда о том, что Джо Хилл жив, что молодой, не стареющий, он под другим именем продолжает работать где-то на шахтах, что старики будто бы не раз уже узнавали его среди организаторов той или другой стачки, но что будто бы стоило с ним об этом заговорить — и он тотчас же уходил, чтобы потом снова возникнуть в другом месте.

— Ты чего улыбаешься, отец?

— Да вот этой сказке, что дожила до атомного века.

— И все-таки ты не должен забывать о Пикскилле.

— А я помню о нем. Ведь тогда им не удалось нам помешать, хотя полиция всячески им помогала.

— Да, но это же было здесь, вблизи Нью-Йорка, а там штат Вашингтон, окраина.

— Ну, что ж! Мир стоит того, чтобы за него воевали. А на войне всякое случается. И ты пойми, мальчик, я не могу отказаться от возможности выступить перед столькими людьми.

Робсон-старший подходит к окну, распахивает его. Ветер теперь дует с залива. Он разогнал облака, расчистил небо. За ветхими крышами Гарлема, на фоне рыжего электрического зарева, причудливо серебрятся под луной кристаллы небоскребов. И, будто бросая им вызов, Поль Робсон рокочет:

— Я буду петь для канадских шахтеров.

И вот он едет через всю страну на дальний запад. Еще не тронулись в путь, а он получил несколько писем с угрозами. Теперь на каждой большой станции его догоняют телеграммы. Ему грозят веревкой. Пусть! Это в порядке вещей. Но тем, кто его пригласил, можно верить.

Многое изменилось в Соединенных Штатах с дней Джо Хилла. Изменились люди, мечты. Но яд «холодной войны», антикоммунистическая истерия, свирепства сенатских комиссий,— разве все это могло вытеснить самое ценное, что всегда жило в душе рабочих,— солидарность? Нет, нет и нет! Поль Робсон верит в это и, добродушный, спокойный, как всегда, смело едет навстречу опасности.

Посмеиваясь про себя, он наблюдает, как необыкновенно много дюжих негров-носильщиков подбегают к его вагону на каждой станции. Подбегают и стоят возле выходов с наивно хитрыми лицами, будто и впрямь ожидая, что все пассажиры с самыми большими чемоданами выйдут именно отсюда. Негр-проводник, беззаботно насвистывая, все время торчит возле его купе. Нетрудно заметить, как подозрительно смотрит он на каждого, кто проходит мимо или останавливается у двери. На каких-то станциях к нему будто бы невзначай присоединяется негр-официант из ресторана. И они начинают болтать и болтают, пока поезд не трогается, как будто бы им и делать нечего. При появлении певца оба делают вид, что не догадываются, кто он такой. Чудаки! Милые чудаки... Но кулаки у всех у них внушительные. Можно не позавидовать авторам всех этих телеграмм, если кто-нибудь из них попытается на станции осуществить свою угрозу.

[1] Джо Хилл был казнен в ноябре 1915 года.

Робсон никогда не бывал в краях, куда сейчас едет. Он не знает, где это на границе американского штата Вашингтон и канадской провинции Британская Колумбия находится Пис Арч Парк, где ему предстоит выступать. Но у этого парка такое симпатичное название: Арка Мира. Нет, нет, все будет хорошо, хотя телеграммы с угрозами приносят теперь на каждой станции. Он брезгливо бросает их в корзину и добродушно, под стук колес мурлычет какие-то мотивы, широко раскрытыми, жадными глазами смотрит на пробегающие перед ним суровые пейзажи Запада. Они дороги ему, южанину. Ведь это тоже Америка.

Нет, он даже и мечтать не мог, что эта затея неизвестных ему канадских друзей приобретет такой размах и будет поддержана и тут, на окраине Соединенных Штатов. Все дороги, оказывается, забиты машинами. Автобусы и грузовики, туго нашпигованные людьми, легковые автомобили всех цветов и оттенков, и старенькие, дребезжащие фаэтоны, что в память Форда зовут «дедушка Генри», и роскошные лимузины, похожие на расплющенных акул,— вся эта масса машин движется по дорогам Америки и Канады, устремляясь к парку, где должен состояться концерт. Кажется, это целая армия снялась со своих бивуаков; ручейки, бегущие по дорогам, сливаются в огромное живое озеро, что расплылось теперь по обе стороны границы и все разливается, вбирая толпы, продолжающие прибывать.

Полиция? Да, ее много. В униформах и в штатском. Но полицейские необыкновенно смирны и даже вежливы. Что им остается делать здесь, на виду у стольких граждан иностранного государства! Ку-клукс-клан? Глазом опытного борца певец легко отличает в толпе их хмурые, злобные морды. Вон тот, с перебитым носом и расплющенными ушами отставного боксера, он заметил его еще тогда, в Пикскилле. Да, дело заваривается нешуточное. Но Робсон смотрит на движущиеся толпы и улыбается. Горняки — народ серьезный. Вон их сколько! Всем известно, что они шутить не любят.

А как легко, как необыкновенно легко дышится! С трудом пробираясь сквозь толпу, певец отовсюду слышит: «Здравствуй, Поль!», «Как поживаешь, старик?», «Молодчина, что приехал!», «Мистер Робсон, надпишите автограф, это для сына», «Вы не устали с дороги?», «Как вам нравится наш край?». Тревога, возбужденное ожидание, дорожная усталость — все как-то сразу растворяется в этих волнах бесхитростной, прямодушной, грубоватой доброжелательности.

— Здравствуйте, здравствуйте, ребята, я так рад быть с вами!

Ку-клукс-клановцы даже ничего не орут. Что ж, это хороший признак! Битва наполовину выиграна. С этими мыслями певец пробирается к помосту, с которого ему предстоит выступать, поднимается по ступенькам на площадку, где, как огромные черные цветы, темнеют репродукторы и на длинных флагштоках покачиваются два флага: американский и канадский. Толпа с двух сторон надвигается на границу. Теперь уже трудно увидеть узкий просвет, разделяющий государства. Только лица: мужские, женские, детские, молодые и старые. И на лицах — любопытство, ожидание, доброжелательность, задумчивые и поощряющие улыбки... Хорошо!.. Должно быть, таких вот людей видел Джо Хилл, когда в дни забастовки, после выступления где-нибудь перед шахтой, по требованию рабочих читал свой новый стих.

У певца захватывает дыхание. Он, этот человек, привыкший петь перед любой аудиторией, начинает не на шутку волноваться. Оправдает ли он их надежды? Сумеет ли отблагодарить за теплый прием? И, может быть, от этого почти юношеского волнения прославленный его голос звучит в этот день с открытой всем ветрам эстрады как-то особенно хорошо. Он начинает своими любимыми песнями «Водонос» и «Миссисипи», он поет рабочие песни различных стран. Он вкладывает в голос все, что имеет. Он уже устал, черное лицо его посерело. Обильный пот, пот труженика, катится по лицу, каплет с подбородка на крахмальную манишку, стекает за воротник. Друзья опасаются за его голос. Голос? Да разве можно что-нибудь жалеть для таких людей!

В перерыве Робсон сидит, откинувшись на спинку стула, вытянув ноги, свободно бросив руки, как боксер между двумя раундами. Он тяжело дышит. Но сердце бьется легко, как в юности. Тянет обратно на эстраду, к этой толпе, что гудит сейчас вокруг дощатого помоста, поедая сэндвичи, мороженое, щелкая жареную кукурузу, опрокидывая в рот пиво из картонных бокалов.

И уже совершенно не думается, что толпа эта неоднородна, что среди горняков, металлистов, железнодорожников притаились белобалахонники, что если они и не посмеют выступить открыто, то могут исподтишка послать из толпы пулю. Теперь Робсон поет песни Джо Хилла. Их много в его репертуаре. Тут их знают и подтягивают и с американской и с канадской стороны. Как славно, как хорошо, как чертовски хорошо! Но пора уже и кончать. Круги уже расплываются перед глазами. Ноги дрожат в коленях, как у шахтера, что долгий день, согнувшись, проработал в забое. Но как тут кончишь, если тебя не хотят отпускать! Как откажешь этим славным ребятам!

— «Если я солдатом буду»! Эту нашу, старую, боевую! — настойчиво требуют из толпы.

Это любимая песня Джо Хилла. Она была особенно популярна в Америке и в Канаде перед первой мировой войной. Ее пели обычно на митингах... Хорошая песня! И, подчиняясь гипнозу этих требований, Робсон, преодолевая усталость, начинает ироническими словами:

Мы тратим биллионы в год
На пушки и снаряды.
И «нашу армию», «наш флот»
Поддерживать все рады.
А миллионы нас в борьбе
Берет нужда измором.
Не пойте «Родина тебе»,
А лучше спойте хором.

И мощным взмахом огромных рук певец высекает из тысяч ртов дружный припев:

Если я солдатом буду,
То пойду под красный стяг.
И с ружьем моим повсюду
Всем тиранам буду враг...

Сколько голосов поддерживают этот многим с детства знакомый здесь припев!

И вот уже опять плывет, заполняя все пространство меж холмов и как бы вознесясь до самых облаков, глубокий, спокойный бас:

Но для чего им пулемет
Вдали от океана?
Ведь враг сюда не заплывет.
Не правда ль, это странно?
Об этом незачем тужить,
Но бастовать мы станем,
Друзья мои. А будем жить,—
Еще не раз затянем...

Снова, как во времена Джо Хилла, сотни голосов хрипло и вдохновенно ревут:

Если я солдатом буду...

Робсон поет, дирижируя. Большой, широкоплечий, он в эту минуту похож на молотобойца: так тяжелы движения его рук. И в это мгновение певец испытывает совсем иное наслаждение, чем то, что обычно служит наградой артисту, сумевшему заворожить аудиторию. Оно напоминает восторг мореплавателя, который после длинных и тяжелых скитаний видит вдали полоску берега. Оно похоже на радость борца, храбро бросающегося на баррикаду и чувствующего, что за ним следуют другие. Он уверен теперь, что все эти простые люди, стоящие сейчас по ту и другую сторону границы, взволнованы теми же чувствами, захвачены тем же, как и он, стремлением.

И странно, он все время, против воли, подсознательно вглядывается в толпу, будто и впрямь хочет угадать, кто же из этих простых людей, пришедших к нему на концерт с женами, детьми, со стариками,— кто же из них воскресший, вечно молодой американец, умеющий грубоватой рабочей песней зажигать простые сердца.

И в самом деле, может быть, слугам монополий не удалось предательски убить Джо Хилла? Может быть, он и не умирал?

Июль—август

Александр ПРОКОФЬЕВ

Я иду по дороге...

Я иду по дороге от моря до моря,
Я иду по дороге, купаясь в просторе,
В том, что снится ночами,
что вижу воочью:
В тополиных,
сосновых,
березовых рощах,
В тех, что гаем зовут на моей Украине
И которые встали при широкой долине.
«При широкой долине» — многих песен
начало,
Что раздольно, по-русски звучит и звучало.
«При широкой долине»,— я пою на дороге,
Замирает душа от чудесной тревоги,
От просторов, которым нет края, нет края,
От такого,
чему и названья не знаю!
Я иду по дороге, захваченной синью,
Я иду по дороге
и вижу Россию!

* * *

Стало солнце в роще тополиной
Золотые ленты распускать.
Тополиный пух летит в долину,
Если травы лягут,— мягче спать.

Грозовое нынче будет лето,
Вон какие дни горьмя горят!
Мир тебе, зеленая планета.
Пусть лишь эти грозы говорят
С тополиной рощей, с новым домом,
С пашнями на сотни верст подряд
Языком дождя,
Наречьем грома,
Так, как лишь с друзьями говорят!

Я все зову по имени...

Звенят ручьи отрадные,
Звенят ручьи прохладные,
Капель на землю падает,
Звенит и сердце радует.

Река, звеня осокою,
Бежит, переливается,
Сосна стоит высокая
И звоном отзывается.

Звенит волна хрустальная,
Сверкает, словно молния,
Моя сторонка дальняя
Вся звоном переполнена.

Там в бурю волны в инее
То вскинутся, то валятся...
Я все зову по имени,
И все мне отзывается.

Утром ранним

Земля начинает работать,
Да так, что еще до рассвета
Уже задымилась от пота
Рубашка защитного цвета.

Долины, леса и пригорки,
И горы труда не боятся...
Ну что ж, и у нас гимнастерки
От жаркого пота дымятся.

* * *

Какая беседа без хлеба и соли?
Без хлеба и соли на свете нет доли!
А если нет доли, то, значит, нет песни,
А если нет песни, то к черту все «если»!

Какая беседа без хлеба и соли?
Какое веселье без Насти и Поли,
Без Тани и Тони,
Без Сани и Сони?

И нету такого у нас в обиходе:
Без хлеба с капустным листком на исподе,
Без хлеба с хрустящею коркой медовой,
Без песни, что вышла с хозяйкой бедовой,
Без скатерти белой, без соли в солонке
Не водится дружба на нашей сторонке!

О том же, что бьется,
О том же, что льется,—
Не здесь говорить,
Не о том речь ведется!

* * *

Я хочу, чтоб не тлели,
А горели
Слова,
А потом, чтоб на крыльях
Подняла их молва.

Я обжег их в горниле,
Сам сказал им:
— Пора!
Чтоб их после гранили
Выше нас мастера.

В мастерских и в походе
Им дана эта честь.
В нашем умном народе
Их не счесть,
Их не счесть!

Признания

Признаюсь, что ошибок своих не предвидел,
Признаюсь, что кого-то когда-то обидел.
Признаюсь, что годами не знаю покоя,
Признаюсь, это мало меня беспокоит.
Признаюсь, что друзей нажил мало,
до крайности мало,
Что с плохими расстался, а хороших не стало.
Признаюсь, что в нехватке друзей я виновен,
Потому что темнеют в горячке и сходятся
брови.
Признаюсь, что я многое в жизни не видел,
Не того полюбил, а порой не того ненавидел.
Но одно я скажу,
Что не знаю грехов за собою
Пред землею, которой служу
До отбоя!

Перед дорогой

«Покой нам только снится».
А. Блок

Спеши!
Мне киверами машут камыши,
Вчера
Тревожно в грудь
Ударили ветра,
Ну, значит, в путь,
Ну, значит, в путь,
Пора!
Спеши!
Во имя сердца и души
Пути тори,
Тори!
Гори,
Гори!

* * *

Мне июнь запомнился садами,
Летних яблонь белою волной,
И стихами о Прекрасной Даме,
Белой ночью читанными мной.

Памятен открытием пригорка
Мне июнь.
Там на исходе дня
Крепкой кременчугскою махоркой
Угостили плотники меня.

В новом доме настежь были двери,
И, должно быть, в этот поздний час
Он смотрел, глазам своим не веря,
На родную землю в первый раз!

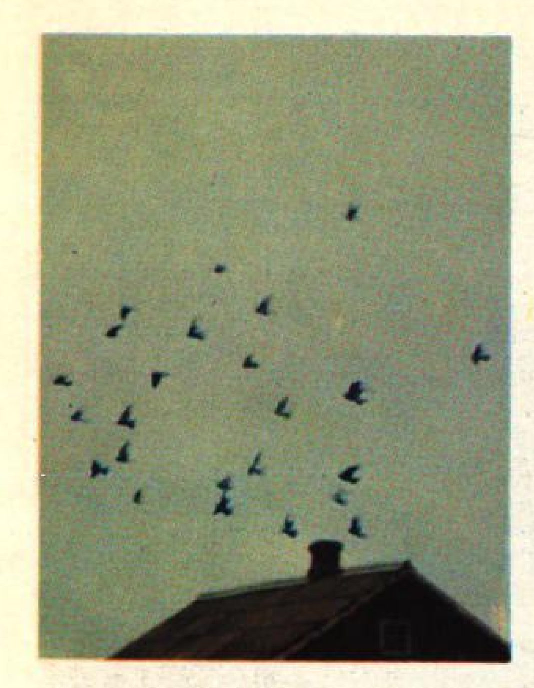
Друзьям

Друзья мои, как сказано, навеки!
По братству и другим большим правам
Через поля народные и реки
Моя любовь летит навстречу вам.

Она поет, без этого не может,
И, всюду вас приветствуя, друзья,
Она летит до Немана, и Сожа,
И до Днепра, она — судьба моя.

Ее услышат Янки и Маруси,
Когда она, как ветер, пролетит,
Над ней сверкает солнце Беларуси
И крылья песни гордой золотит.

И я хочу, чтоб на нее упало
Хотя б немного света из того
Сиянья слов, в котором рос Купала,
С которым Колас ведал торжество!

Целина обжитая

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Сотни веков лежала пустая, бесполезная для человека степь. Потом приехали сюда советские люди, много людей. Они распахали целину Казахстана и Сибири.

Освоить целину — не только распахать ее, засеять и собрать урожай. Освоить — значит обжить.

Голуби! Голуби летают над поселком совхоза! Откуда они здесь, в степи? Их не было раньше, да и не могло быть. Они любят водиться возле человеческого жилья. Теперь уж трудно найти, кто первый привез их сюда, они стали достоянием всего совхоза. Теплее и уютнее жить, когда над крышами домов летают голуби.

Совхоз Орджоникидзевский, Кустанайской области. Вера Петрушечкина родом из Бурят-Монголии, а дочка ее Галя будет коренная кустанайка.

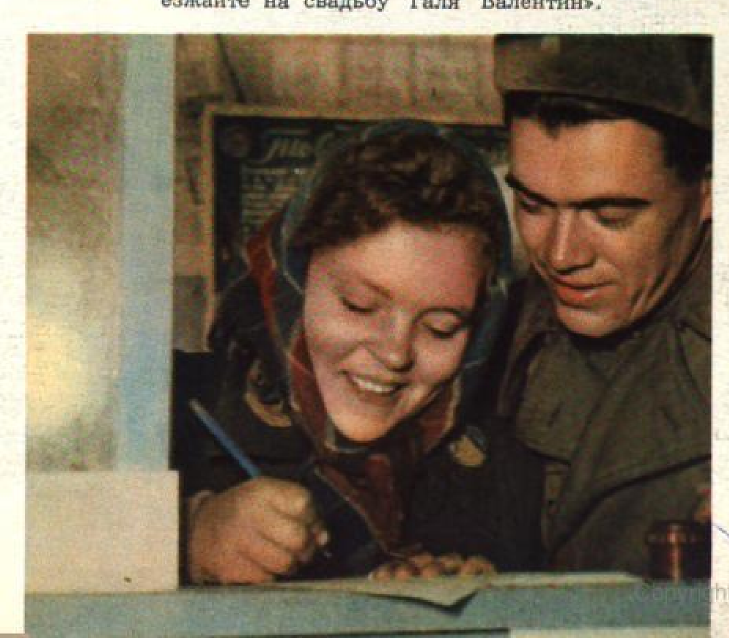
А из раскрытого окна доносится плач ребенка. Или, может быть, его смех. Это неважно. Одним словом, доносится требовательный голос новой жизни. Люди приехали сюда не только выращивать хлеб, но и жить долго и основательно. Поэтому в каждом большом совхозе уж на другой год понадобилось открывать детские ясли.

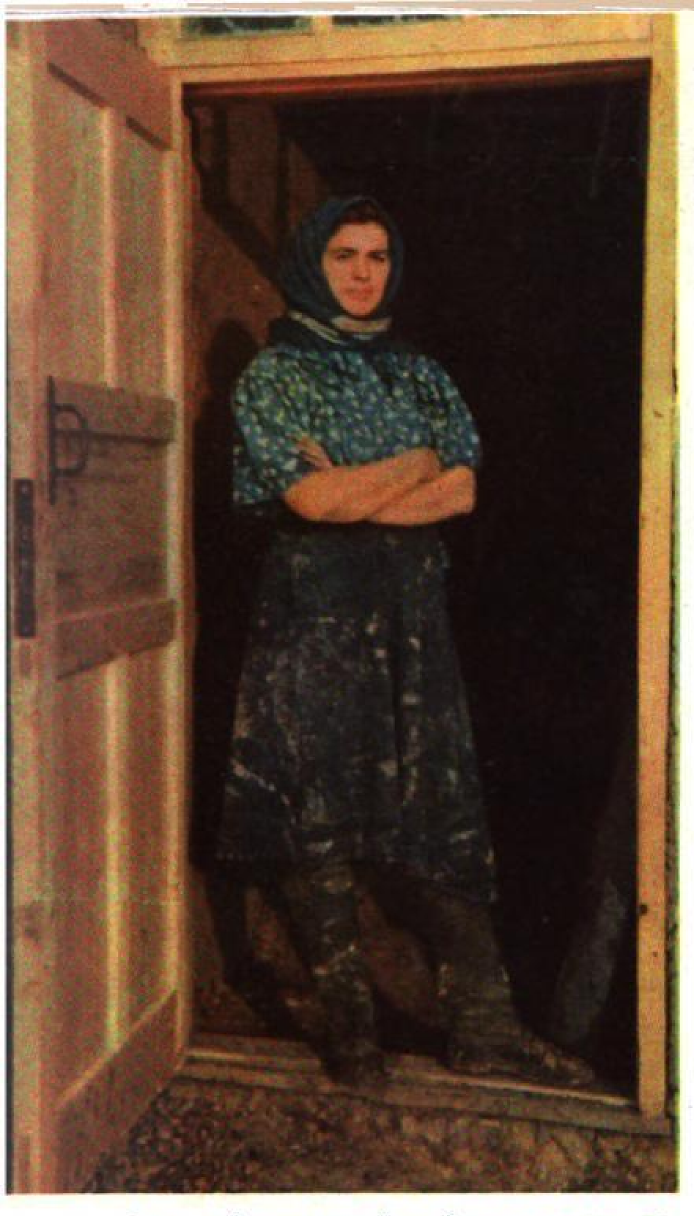
Многим не верилось, что и здесь, в степи, запоют петухи. Но это свершилось. От Кулунды до Уральска в селениях центральных совхозных усадеб орут по ночам горластые краснoперые красавцы.

А что делают хозяйки глубокой осенью в обычном русском селе? Конечно, шинкуют, рубят, засаливают капусту.

А с чего в обычном русском селе начинается обычный летний день? С

Телеграммы бывают и такие: «Кимры Калининской Анне Александровне Горшковой Сегодня мы расписались приезжайте на свадьбу Галя Валентин».

Совхозный штукатур Тоня Эпингер взялась наконец за свой дом. Вот стоит она на родном пороге...

Раз пришла осень,— значит, пора солить капусту, если даже осень эта степная, «целинная». Мария Дмитриевна Кухтина и соседка ее Мария Федоровна Губская придерживаются той же точки зрения.

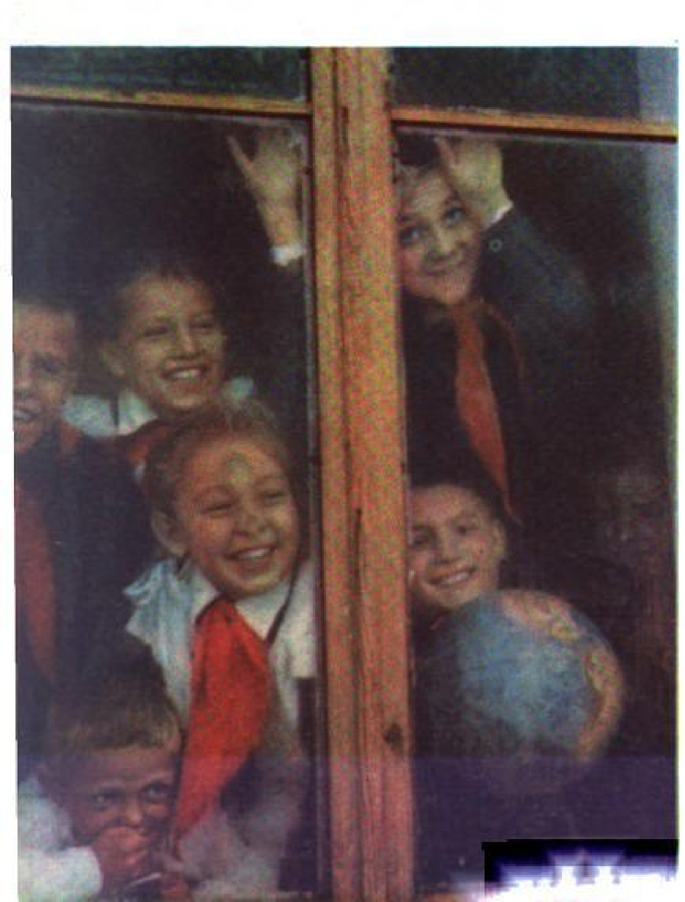
того, что по рассветным улицам, когда еще путается в ветвях легкий туманец, важно, с достоинством, сознавая свое великое в жизни людей значение, шествуют стада коров. И разливается тогда по улицам запах теплого молока.

Вот так в каждом целинном совхозе: и рубят капусту, и выгоняют по утрам коров, и собирается молодежь на гулянку, и во время перемены выбегает на улицу звонкоголосая школьная детвора.

Целина не только распахана, но и обжита. Она навсегда освоена.

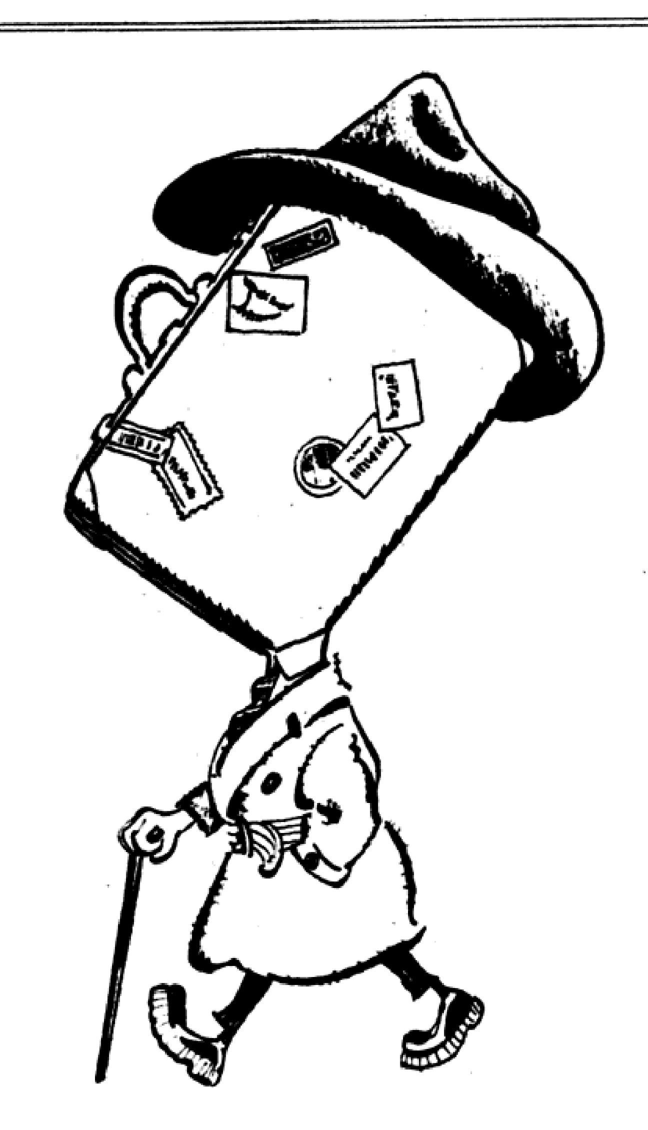
Утро в совхозе начинается так же, как и в любом старинном русском селе: по улицам идут коровы.

А на улице дождь...

С. МАРШАК ИЗ КНИГИ «САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ. ЭПИГРАММЫ. ПЛАКАТЫ»

ЧЕМОДАН

Прекрасный новый чемодан
С двумя блестящими замками
Перевидал немало стран
И весь облеплен ярлыками.

А надписи на ярлыках —
На всевозможных языках.

Ну что ж, поверим чемодану,
Что он объехал целый мир,
Видал Бомбей, Пекин, Лозанну,
Париж, Венецию, Каир,
Видал Помпею, Геркуланум...

И все ж остался чемоданом!

Как свинка стала свиньей

Обыкновенная история

Была она пегой,
Была она пестрой,
Была она толстой,
Как все ее сестры.

Была она
Низкого роста.
Была совершенно
Бесхвоста.

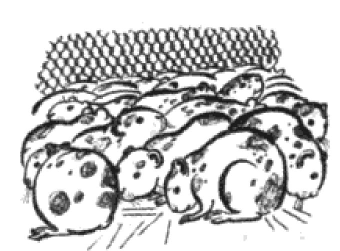

Росла эта свинка
В семье городской,
Но звали ее
Почему-то морской.

Она соглашалась,
Не споря,
Хоть в жизни не видела
Моря...

Хозяева знали:
От этакой свинки
Не будет щетинки,
Не будет ветчинки.

А так как их дюжину
Вывела мать,
Хозяева свинку
Решили продать.

Везли эту свинку
В корзинке
И продали свинку
На рынке.

Доставили свинку
В один институт,
В палату, где мыши
И свинки живут.

Ее привезли
В академию с рынка,
И стала научной
Сотрудницей свинка.

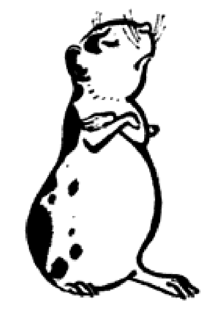
Капусту и кашу
Давал ей ученый,
Давал простоквашу
И сахар толченый.

Она измеряла
Температуру
И даже попала
В литературу.

Писали о роли
Ее в медицине,
Причем называли
Ее по-латыни!

Найдя ее снимок
В научном журнале,
Ее среди свинок
Мы сразу узнали.

Узнали морскую
Бесхвостую свинку,
Крутой ее профиль
И жирную спинку.

Но после статьи
И портрета в журнале
Мы свинки знакомой
Уже не узнали...

Такой она стала
Надменной и гордой.
Не свинка, а дочка
Английского лорда!

Она пожелала,
Чтоб все секретарши
Ее называли
Сотрудницей старшей.

Чтоб ей присудили
Научную премию
И даже избрали
Ее в академию.

Чтоб ей поручили
Ответственный сектор,
Чтоб лучшие фрукты
Носил ей директор.

Чтоб дали какой-нибудь
Чин ей морской,
Чтоб свинкой не звали,
А звали свиньей!

Она перестала
Казаться безропотной.
Она отказалась
Быть свинкой подопытной.

А так как смеялись
Над нею соседки,
Со всеми она
Перессорилась в клетке.

И вдруг учинила
Такое бесчинство,
Что старый ученый
Сказал: — Это свинство!

И дерзкую свинку
Полгода назад
Директор отправить
Решил в зоосад.

Меж клеток бессчетных
Ученая свинка
С тех пор затерялась,
Как в море песчинка...

Ее мы искали
На прошлой неделе,
Но бедную свинку
Найти не сумели.

Когда же фотограф
Готовился к снимку,
Мы в первой шеренге
Увидели свинку.

Подруг своих новых
Назад оттеснив,
Надменно смотрела
Она в объектив.

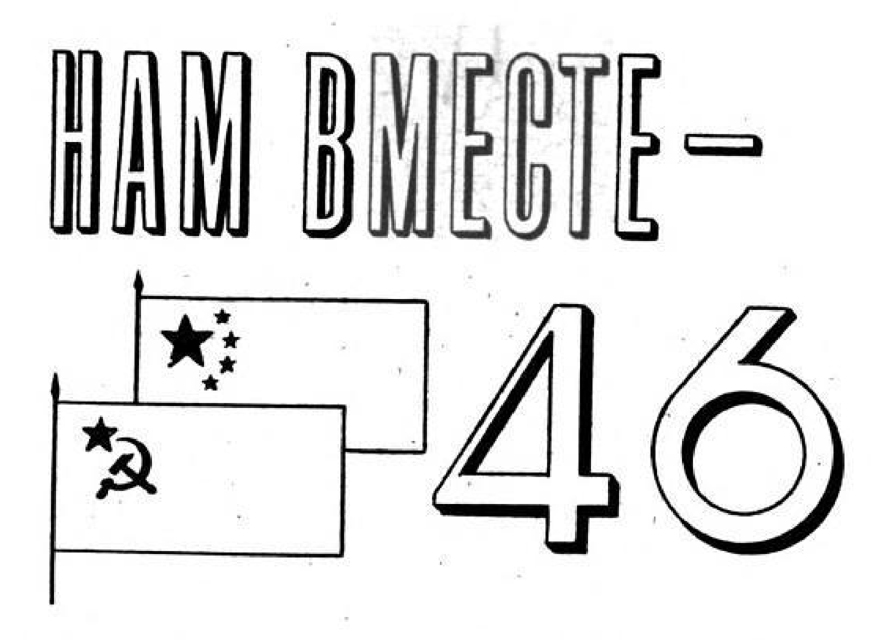

Но прочь отвернулась,
Когда ей сказали,
Что снимка не будет
В научном журнале.

Она поняла,
Что последние дни
Придется, пожалуй,
Прожить ей в тени...

Рисунки К. РОТОВА.

НАМ ВМЕСТЕ — 46

Г. БОРОВИК — Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

Специальные корреспонденты «Огонька»

Сомнения инженера У Цзинь-е

У Цзинь-е получил высшее образование еще в тридцатых годах. В университете он увлекался теорией автомобилестроения, мечтал о том времени, когда по дорогам Китая пойдут автомашины отечественного производства. Но действительность гоминдановского Китая жестоко разрушала его мечты. Над планами молодого инженера смеялись даже близкие друзья: где техническая база, где кадры, средства?

В сороковых годах он поехал в США проходить практику на автомобильных заводах в Детройте. Американцы с их высокоразвитой автостроительной техникой, думал У Цзинь-е, вот кто поможет Китаю создать собственное автомобилестроение!.. Но и в США его ждало разочарование. Дирекция завода приняла китайского практиканта неприязненно, скрывала от него главные секреты технологического процесса, не показывала технических расчетов. Один из американских инженеров сказал ему тогда дружески:

— Вы, господин У Цзинь-е, не понимаете самых простых вещей. Мы никогда не допустим, чтобы китайцы сами делали автомобили. Иначе мы потеряли бы рынок!

Так на смену смелым мечтам пришли уныние и подавленность. Друзья китайского инженера, тоже изучившие когда-то автомобилестроение в США, в Германии, давно сменили профессию. У Цзинь-е работал в одной из крохотных авторемонтных мастерских Шанхая...

И вдруг сразу после освобождения в новом Китае зазвучало слово «индустриализация». Инженер отнесся к нему скептически. Но в 1950 году его пригласили работать в группе по подготовке строительства... автозавода.

У Цзинь-е колебался: не хотелось еще раз испытать разочарование. Где взять квалифицированных строителей, монтажников, спрашивал он себя. Предположим, станки и оборудование можно купить, но где найти рабочих, которые будут работать на этих станках? Наконец, кто поможет разработать технологию производства, наладить его? Ему говорили: у нас есть великий друг — Советский Союз. Но У Цзинь-е вспоминал поездку в США, и ставшее привычным неверие еще сильнее охватывало его.

И все же он принял приглашение...

Обо всем этом нам рассказывал начальник отдела технологии первого в истории Китая автомобильного завода. Это и был товарищ У Цзинь-е. Сняв с носа очки в круглой светлой оправе, он протер их платком, снова надел и хитро посмотрел на нас.

— Ну, а теперь пройдите по нашему заводу, и вы увидите или услышите ответы на все вопросы и сомнения, которые шесть лет назад терзали одного закоренелого скептика...— И он с шутливой беспомощностью развел руками.

«Мы из Аньшаня!»

Мы бродили по обширным цехам завода, таким светлым, что для фотосъемки почти не нужно было пользоваться импульсной лампой. Завод уже работал,— далеко не в полную силу (его проектная мощность — 30 тысяч машин в год), еще только приноравливаясь, только готовясь к официальному пуску, но работал! Жужжали новенькие станки с марками Уралмаша, завода имени Орджоникидзе, «Красного пролетария», ЗИЛа, стучали молоты, лился металл, и с конвейера съезжали автомашины марки «Освобождение». У каждого станка по два человека: учитель и ученик.

Два года назад нам, корреспондентам «Огонька», посчастливилось быть на Аньшаньском металлургическом комбинате. Тогда автозавод АЗ-1 только еще строился, но мы слышали, как говорили рабочие: «Пройдет год, и кое-кто из нас поедет в Чанчунь помогать автозаводцам». Теперь здесь, в Чанчуне, машинист мостового крана в литейном цехе сказал: «Я из Аньшаня!»

Его зовут Ли Гуй-хоа. В прошлом году, когда настало время пускать вспомогательные цехи АЗ-1, аньшаньские крановщики послали сюда пятерых лучших своих товарищей. В их числе был и Ли Гуй-хоа.

Первые дни Ли пришлось осваивать новый кран. Он дивился: в Аньшане советские краны были установлены всего три года назад, но за это время, видно, советские инженеры не сидели сложа руки: столько усовершенствований!

Ли Гуй-хоа сразу же заключил три договора с молодыми рабочими. Договоры были одинаковые: Ли Гуй-хоа обязуется обучить ученика такого-то работе на мостовом кране, чтобы ученик стал крановщиком третьего разряда. Он научит проверять механизм крана, налаживать его, ремонтировать. Ученики были разные: у двоих молодых парней, бывших строителей, дело пошло на лад быстро, а третий, тридцатипятилетний Лю Сян-куан, только недавно выучился читать и писать, и освоение крана двигалось очень туго.

Настал день экзамена. Даже четыре года назад, когда сам Ли Гуй-хоа проходил испытание на крановщика в Аньшане, он не волновался так, как теперь за Лю Сян-куана.

Держали испытания ученики всех крановщиков — аньшаньских, фушуньских, шанхайских — всего тринадцать человек. Принимали экзамен начальник цеха, мастер, все «педагоги» и представители профсоюзной организации. Это была теоретическая часть экзамена — письменная работа. Прошло томительных полтора часа, прежде чем Лю сдал свою бумагу,— одним из последних. Оценка: «хорошо». Ли хочет пожать руку своему ученику, но еще рано: впереди практический экзамен. Нужно за положенное время взять краном груз, перенести его в указанное место и опустить в очерченный мелом на полу круг. Все учитывает строгая комиссия: быстроту, точность, спокойствие крановщика. Этот экзамен Лю сдал на «отлично», не подвел аньшаньцев!..

Товарищ Ли Гуй-хоа рассказывал нам об этом у входа в огромный литейный цех. Наверху, под потолком, двигался подвесной кран. Им управляла молоденькая девушка. Рядом в кабинке стоял рабочий, внимательно следя за ее действиями.

Ли Гуй-хоа посмотрел вверх.

— Это и есть товарищ Лю Сян-куан,— сказал он, указывая на рабочего.

— Он все еще продолжает учиться?

— Нет! Уже сам учит! Ся Му-хуа — его первая ученица.

Старый Тун и индустриализация

В провинции Гирин жили старый Тун Гуан-ши и его жена Тун Фан-ин. Старик всю свою жизнь продавал в деревне уксус и масло из соевых бобов, а жена растила детей. Не всех смогла она вырастить: кто умер в трудные годы, кто погиб во время войны. Осталась только младшая дочь, Тун Гуй-цинь. В 1953 году ей исполнилось 17 лет, она пошла учиться в уездное педагогическое училище, и старый Тун на радостях несколько дней подряд продавал уксус дешевле обычного.

Учиться дочери полагалось три года, но не прошло и трех месяцев, как однажды вечером она вернулась из уездного городка на попутной телеге.

— Я кончила учиться!

— Ты уже учительница? — удивился отец.

— Тебя выгнали? — ужаснулась мать.

— Не-ет! — засмеялась Тун Гуй-цинь.— Правительство и председатель Мао призывают нас изменить профессию. Грамотные люди очень нужны на заводах. Потому что индустриализация...

— Что, что?! — Тун дрожащими руками снял очки.

— Ин-дус-три-а-ли-за-ци-я! Будут строить заводы по всей стране. Но, понимаете, все есть, а умелых рабочих не хватает!

Старый Тун впервые слышал слово «индустриализация». Надев новую синюю куртку, он отправился к деревенской учительнице. Та долго рассказывала старому продавцу уксуса о значении промышленности, но безрезультатно: старик никогда в жизни не видел завода или станка. Наконец учительница попыталась объяснить так:

— Если нашу деревенскую кузницу увеличить в тысячу раз, поставить туда машины, это и будет завод.

Тун поблагодарил за разъяснение, вернулся домой и строго сказал дочери, что никогда не позволит ей работать в кузнице, тем более увеличенной в тысячу раз!

Общий вид автозавода в Чанчуне. →

Долго билась девушка, уговаривая отца. Наконец решение было принято такое: поезжай, посмотри, разузнай все хорошенько. Если индустриализация не похожа на деревенскую кузницу, напиши,— подумаем. Родители дали дочери денег, две пары новых матерчатых туфель, и Тун Гуй-цинь уехала на попутной телеге.

Из первого письма дочери старый Тун узнал, что всех, кто согласился изменить профессию, привезли в город Чанчунь, столицу провинции Гирин; что здесь они будут учиться в ремесленном училище, затем проходить практику на старых заводах. А потом будут работать на новом заводе, который строится в Чанчуне. Завод будет выпускать автомобили. Дальше Тун Гуй-цинь писала, что автомобили нужны народу и ему, Тун Гуан-ши.

Старик не все понял в письме, но одно он почувствовал несомненно: дочь его счастлива, а раз так, то и индустриализация — дело стоящее...

Недавно мы беседовали с Героем Труда города Чанчуня шлифовальщицей Тун Гуй-цинь. Звание Героя она получила за то, что обрабатывает деталь на своем станке почти в два раза быстрее, чем предусмотрено в технологической карте, присланной вместе со станком из Советского Союза.

— Ну, а от отца вы получаете письма? — спросили мы дочь старого Туна.

— О, он стал у меня совсем технически грамотным! — смеется Тун Гуй-цинь.— Все спрашивает: когда я приеду к нему в деревню не на телеге, а на «индустриализации»!

Кто помог!

Наше пребывание в Чанчуне подходило к концу. Оставалось только получить ответ еще на один вопрос, поставленный в свое время инженером У Цзинь-е: «кто поможет?» Рассказал нам об этом заместитель директора завода товарищ Го Ли.

— Помощь Советского Союза была во всем,— говорил он.— Начинались строительные работы — помогали советские строители, приступали к монтажу — монтажники. Московский автомобильный завод имени Лихачева готовил техническую документацию, технологические карты, чертежи. На заводе было создано специальное управление для оказания помощи чанчуньцам. Оно так и называлось: Управление АЗ-1.

ЗИЛ помог нам смонтировать и наладить почти все оборудование. Станки и инструмент мы получали самые новые, самые современные. Скоро мы получим из Советского Союза последний нужный нам пресс весом в 3 500 тонн.

Такова, так сказать, «техническая» сторона дела,— закончил товарищ Го Ли.— Есть еще одна сторона, которую не выразишь цифрами... Но об этом пусть вам расскажет кто-нибудь из тех, кто проходил практику в СССР.

Старший технолог цеха шасси двадцатишестилетний Чжао Ши-фан окончил факультет механической обработки Чунцинского университета в 1953 году. Потом стал работать в техническом отделе Чанчуньского автозавода. А через несколько месяцев его послали проходить практику на ЗИЛ.

— Один из руководителей группы китайских практикантов, Г. К. Царев,— рассказывает Чжао Ши-фан,— начал наши «практические занятия» с того, что помог выбрать меню в столовой.

А когда он привел нас в цех, любой рабочий всегда охотно уступал нам место у своего станка, показывал, как и что, хотя мы видели, что отнимаем у людей ценное время.

Однажды, работая на станке, я сломал инструмент, испортил деталь и порезал руку. Рабочий, который следил за моей работой, ни слова не сказал о том, что я испортил его инструмент, а сразу спросил: «Сильно порезал?» — и потащил меня в медпункт.

Так мы и жили: далеко от дома, но дома. Мы были в семье, потому что так могут относиться друг к другу только родные люди...

* * *

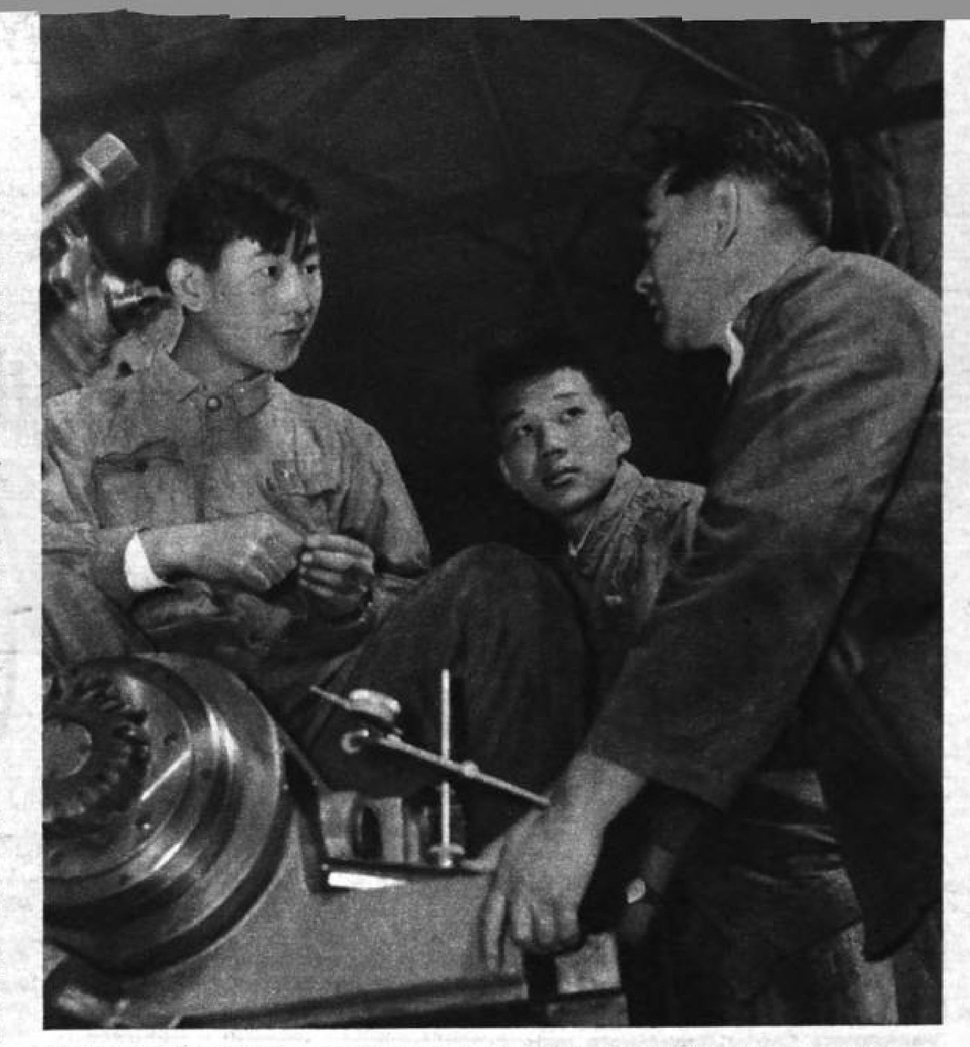
Итак, автомобильный гигант построен. У завода еще много трудностей, но главное сделано: завод пущен в ход. Теперь он будет наращивать темпы. В будущем году китайские автозаводцы намереваются выпустить уже семь тысяч машин...

В один из дней мы встретили на заводе группу туристов. Это были китайцы. Но не из Китая, а из зарубежных стран — китайские эмигранты из Таиланда, Малайи, Индонезии. Мы разговорились с одним из них, заместителем директора банка в Гонконге.

— Я читал, что в Китае достигнут прогресс, знал, что построены заводы,— говорил он нам.— Но не ожидал, не мог ожидать такого невероятного успеха. И все это только за семь лет?!

И тогда мне вспомнились слова одного рабочего, слышанные здесь же, на автозаводе.

— Вместе с Советским Союзом нам сорок шесть лет. Семь и тридцать девять. Это возраст расцвета...

Посланец Московского автозавода В. С. Сидорович (справа) помогает в наладке станков в моторном цехе. Рядом с ним наладчик Чу Син-жуй и мастер секции наладки фрезерных станков Хао Бао-лин.

Главный конвейер сборки.

Револьвер Дорогова, экспонируемый Центральным военно-морским музеем в Ленинграде.

Револьвер Дорогова

В Ленинграде, в Центральном военно-морском музее, под стеклом витрины лежит револьвер системы «Наган». А рядом с ним фотокарточка: портрет молодого матроса. Ниже фотокарточки и револьвера короткая аннотация, составленная работником музея:

«Револьвер, с которым матрос минного заградителя «Амур» А. А. Дорогов участвовал в штурме Зимнего дворца, аресте и доставке в Петропавловскую крепость министров Временного правительства».

Вот какие подробности об этом экспонате сообщил корреспонденту «Огонька» Алексей Антонович Дорогов — бывший председатель судового комитета на минном заградителе «Амур»:

— 25 октября 1917 года «Амур» доставил отряд кронштадтских моряков в Петроград. Когда мы ворвались в зал Зимнего дворца, где находились члены Временного правительства, Антонов-Овсеенко провозгласил:

— От имени Военно-революционного комитета объявляю всех членов Временного правительства арестованными!

Бывшие министры стали сдавать оружие и имеющиеся при них бумаги. Вот кончился опрос, и выясняется, что среди пленников нет главного—Керенского: ему удалось улизнуть. Все страшно возмутились, поднялся шум.

Возник вопрос: на чем министров доставить в Петропавловскую крепость? Машин не было.

Глубокая ночь. Окружив конвоем, мы выводим арестованных из Зимнего на темную Дворцовую площадь.

Когда мы конвоировали арестованных через Троицкий мост, нам стоило особенно больших трудностей охранять их от взбудораженных людей, которые нет-нет, да и предлагали выкупать министров в Неве. А тут еще неожиданно заминка произошла — по ошибке наши открыли огонь из автомобиля. Все министры сразу попадали на мост, но вскоре все стихло, и конвой двинулся дальше.

До Петропавловской крепости дошли благополучно. Членов Временного правительства ввели в маленький зал крепостного клуба.

Поднявшись на сцену, Антонов-Овсеенко стал проверять по списку, все ли дошли до крепости. Убедившись, что все арестованные налицо, он дал команду направить их по казематам. Со стороны бывших министров возражений и протестов не последовало. Прошло еще несколько минут, и арестованные скрылись в темноте Трубецкого бастиона. Глухо за ними закрылись двери.

Временному правительству конец. Я спрятал револьвер в кобуру. Позже я сдал этот револьвер в музей.

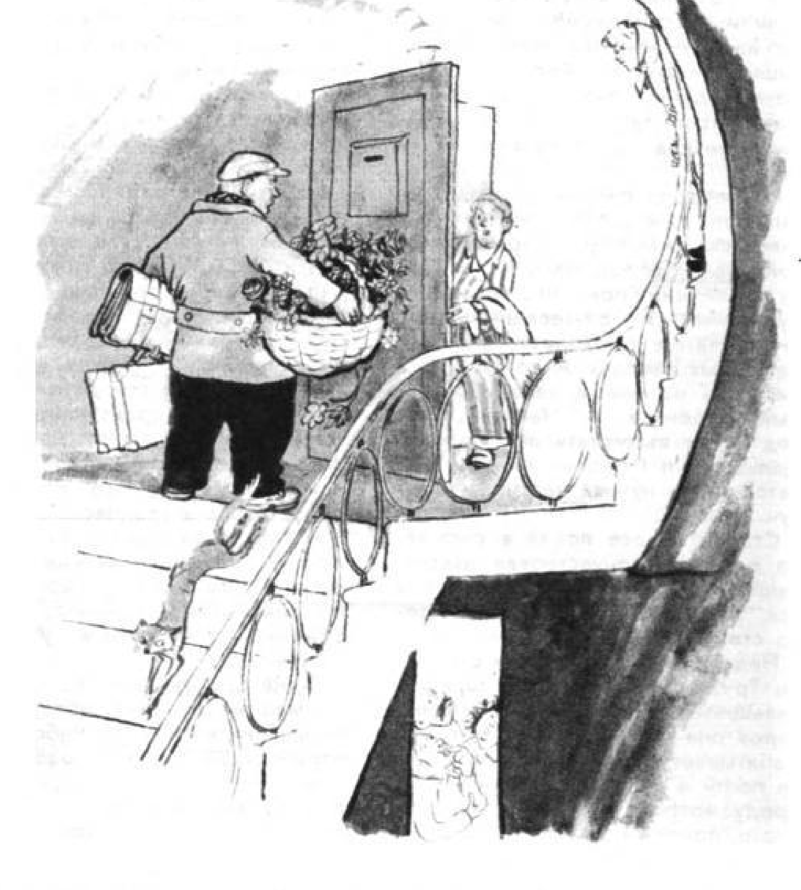

А. А. Дорогов.

Мой несравненный родственник

Николай АСАНОВ

Рисунки Е. ГОРОХОВА.

На дальние расстояния лучше всего ездить в купированных вагонах. Говорю по собственному опыту. В отдельном купе все както располагает к уютной беседе. Конечно, можно купить билет и в мягком вагоне, но в мягких едут люди солидные, которые иной раз боятся и слово проронить. Можно недурно устроиться и в обыкновенном жестком, всегда найдутся партнеры для преферанса или в шахматы сыграть, но спокойной беседы не жди, — там разговор сразу принимает общее направление: слишком много желающих высказаться.

По профессии я строитель. Это значит, что страну нашу исколесил вдоль и поперек. И в самом деле, а где у нас не строят? Возведешь, бывало, дворцы в Фергане, только бы в них отдохнуть, ан тебя уже направляют на Игарку, там город надо строить.

Но не обо мне речь. На этот раз я успел высказаться в первый день путешествия, во второй и в третий слушал соседей, а когда дорога наша подходила к концу, вдруг заговорил четвертый пассажир, который до этого молчал.

— Позвольте уж и мне рассказать одну историю, — вдруг сказал он, когда последний рассказчик умолк, а от дюжины пива осталась одна бутылка.

Ему было не больше двадцати пяти, в «жанре изящной словесности» он выступал последним, и мы трое с усмешкой переглянулись меж собой. Где уж ему было соревноваться с нами, старыми путешественниками!..

Между прочим, я замечал, что слушателей всегда почему-то бывает меньше, чем желающих рассказывать. Но, как говорится, долг платежом красен!..

— Когда я задумал жениться, — сказал наш молодой сосед,— то из моих родственников ближе всех к Москве оказался дядюшка. Он в это время определял строительные площадки где-то в тайге за Омском. А мои родители в это время строили город на Камчатке, оттуда на смотрины не прилетишь!

Тут мы уселись поудобнее. Молодой человек пощипал воображаемый ус и продолжал:

— Признаться, я надеялся, что дядюшка ответит отказом. Все-таки от Омска до Москвы и самолетом не близко. И не очень мне хотелось, чтобы мою невесту рассматривали и обсуждали ее достоинства. Я их и сам хорошо видел. Но в нашей семье столько говорили о старых традициях, что мне волей-неволей приходилось им следовать. Только расстояние могло меня выручить на этот раз. А уж потом, когда я женюсь, пусть рассматривают, сколько хотят.

И вот я послал дядюшке вежливую телеграмму, надеясь в простоте душевной получить назавтра такую же от него. И действительно, утром меня разбудил звонок в передней.

Я открыл дверь, чтобы расписаться в получении телеграммы, и увидел перед собой... дядюшку. В руках у него был чемодан, портфель и корзина цветов.

— Дядюшка, какими путями! — воскликнул я.

Боюсь, что на моем лице не было должного энтузиазма. Дядюшка усмехнулся и сказал:

— Удивляюсь современной молодежи! Полное незнание техники! Между тем «ТУ-104» летит от Омска до Москвы меньше трех часов и притом вслед за солнцем. Утром садишься в Омске, и утром же ты в Москве! Ну, показывай свою невесту!

Упрек в незнании техники был излишним. О первом полете нового реактивного самолета я сам писал отчет в нашей газете. Да, я не сказал, что недавно окончил факультет журналистики и работаю в редакции. Вернее говоря, работал тогда. Просто я недооценивал своего дядюшку...

И вот мы отправились на смотрины.

Пока мы шли по улице Горького, все оглядывались на нас, так разительно было наше несходство.

Впереди следовал дядюшка, лысый, с бритой головой, в сером костюме, тщательно отглаженном, но, боже мой, каком старомодном! Пиджак, как колокол! Брюки шириной в тридцать два сантиметра! И в руках — корзина цветов.

За дядюшкой шествовал я. И уж должен признаться, я выдал все образцы моды пятьдесят шестого года, даже со взглядом в будущее! Пиджак у меня был голубой, в талию, как рюмочка, брюки палевые, туфли на подошве в четыре пальца, на плече свернутое габардиновое пальто. В руке — восемнадцать роз: моя невеста только что окончила десятилетку.

Я жаждал восхищенных взглядов публики, но почему-то все улыбались насмешливо. Тогда я подумал, что улыбки относятся к дядюшке и его костюму, и решил предупредить его. Однако, когда я поровнялся с дядей, он сказал:

— Иди уж позади! Мне как-то удобнее одному...

Я обиделся, но тут мы подошли к подъезду, и дяде волей-неволей пришлось меня подождать.

Обычно родители Нины — так звали мою невесту — встречали меня кисло. Может быть, им не хотелось расставаться с дочкой? Однако тут, увидев моего родственника, они так и расплылись в улыбке. А почему, собственно? Обыкновенный тривиальный строитель! А меня вежливо отпихнули на второй план. Но я никогда не любил второго плана. Даже на групповых снимках я всегда устраивался в первом ряду.

Нина восхищенно воскликнула:

— Какой очаровательный толстячок!

Ничего очаровательного в дядюшке я не видел.

Я решил выдвинуться в беседе. «Салонный» разговор — моя стихия. Я специально записываю все острые слова, какие мне прихо-

дится слышать, чтобы потом использовать их в разговоре. Я хожу на все выставки, даже если это выставка мод, посещаю все спектакли, знаком со всеми почти знаменитостями,— если не лично, так знаком с теми, кто знает знаменитых людей. Я даже учу наизусть некоторые современные стихи...

Нина собрала всех своих подружек. Пришли и трое моих приятелей. Обычно, перед тем как садиться за стол, мы заводили магнитофон с танцевальной музыкой, но тут дядюшка запротестовал:

— Моей невесты здесь нет, давайте лучше побеседуем...

А какое, собственно, нам дело, что он остался холостяком? Однако Нина почему-то согласилась с ним.

Хорошо, думаю я, беседа так беседа. Меня хлебом не корми, дай только поговорить на интересные темы! И я начинаю:

— А знаете, как вчера отличился рысак Сальского завода Летучий? Во втором заезде...

Тут дядюшка перебивает меня и говорит:

— Подумать только! А когда я приехал в Сальские степи в двадцать девятом году, там одни дрофы да суслики водились! Поверите ли, Ниночка (это он мою невесту уже Ниночкой называет!), начали строить совхоз, а воды нет! В бочках да на лошадях за тридцать верст возил, пока первый артезианский колодец не пробурили...

— Дядя, я о рысаке, а вы о водовозной кляче,— напоминаю я довольно вежливо.

— Тогда все стройки начинались с вопроса о конном транспорте,— хладнокровно сообщает он.

— Это, дядюшка, никому не интересно! — заявляю я.— Когда вы строили эти совхозы, нас еще на свете не было...

— Почему же,— вдруг заявляет Нина,— очень даже интересно! Перед нами, можно сказать, живая история наших строек...

«Ага,— думаю я,— это она насчет его возраста прошлась!»

Ничуть не бывало! Она и в самом деле слушает, и даже глаза у нее загорелись! А дядюшка разошелся, его и не остановишь! Вот он уже в Комсомольск-на-Амуре перескочил и пошел и пошел... Мои приятели шепчут:

— Ты, что же, решил уморить нас при помощи этого чудака? Мы же пришли потанцевать и выпить, а не историю с географией изучать...

Я говорю дяде:

— Дайте молодым людям повеселиться! — и шепотом объясняю, кто они такие.

А дядя очень громко и сердито говорит:

— В обществе неприлично шептаться, да еще о друзьях. Они могут подумать, что мы сплетничаем. Тем более, что ты говоришь, что у них знаменитые отцы, и ни словом не обмолвился, чем же они сами-то знамениты.— И спокойно так спрашивает у них:— А где вы работаете, молодые люди?

Надо сказать, что в нашем тесном кружке этот вопрос всегда вызывает возмущение. Мне мою работу прощают, потому что она творческая. Но сами они не работают. И зачем, если папы так удачно устроились?..

Мои приятели в знак возмущения выходят покурить, а потом исчезают совсем, так сказать, по-английски, не прощаясь. А дядя меж тем заводит разговор о том, как важно проверить чувство любви. И говорит какими-то заводскими терминами: на стойкость, на твердость, чуть ли не на огнеупорность.

А Нина ему говорит:

— Расскажите, что вы подразумеваете под проверкой чувства?

Вот тут-то я и понял, какую совершил ошибку, когда привел сюда своего несравненного дядюшку!

Как только он начал рассказывать о стройках, у девушек сразу заблестели глаза. И оказалось, что по одной его служебной биографии можно написать чуть ли не всю историю Советской страны. Оказывается, он еще на Волховстрое десятником работал! А когда строили Днепрогэс, был уже инженером! И после этого пошло и пошло! И строительство портов, и строительство Большой Волги, и строительство на Дальнем Востоке... А когда я окончил институт журналистики, мой дядюшка перебазировался со своими «орлами» в Сибирь и теперь готовится атаковать тайгу в районе Омска, чтобы и там построить десяток—другой городов. Так и сказал: не домов, а городов! Ну, вы сами понимаете, при таком размахе я для Нины стал таким маленьким, словно она смотрела на меня через перевернутый бинокль. Вот вам и проверка любви!

...Наш поезд прогромыхал по стрелкам, приближаясь к станции. Рассказчик замолчал и уставился в окно. Один из соседей спросил:

— Что же, отбил у вас дядюшка невесту, что ли?

— Отбил не отбил, а увез с собой,— грустно ответил рассказчик.

— Как это с собой?

— А так. На строительство. И не одну, вместе с ее подругами. Теперь, говорят, работают в геодезическом отряде. Определяют площади будущих заводов и заводских поселков.

— А вы куда же едете?

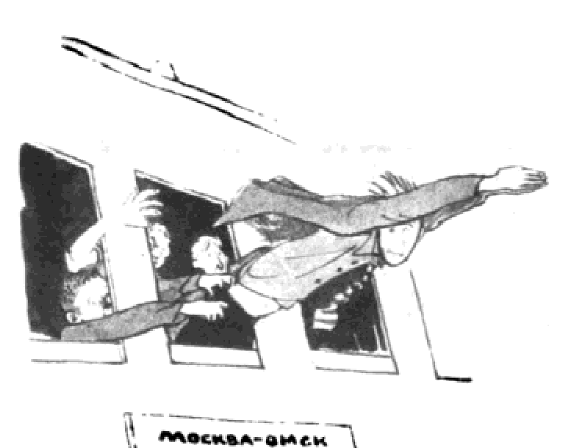
— К ним. На строительство. В многотиражку. Испытывается-то моя любовь, а не чужая. Тут советами не отделаешься, надо что-то самому предпринимать. Приятелям хорошо говорить: «Не езди! Плюнь!» Их там никто не ждет, да и что они могут? Болтаться по городским улицам? А вот построить города — это и уметь и сметь надо! Ну и поехал...

— А что же Нина?

— А что? Пишет, что пока живут в палатке. Что свадьбу надо будет отложить хоть до того времени, когда построят первые дома. Но если самому приложить руки... Да вот она! — И, высунувшись в окно так, что хотелось схватить его за пояс, чтобы не выпал, крикнул: — Нина!

На перроне стояла маленькая девушка в темном осеннем пальто и синем беретике и смотрела на окна вагонов со страстным ожиданием. Услышав окрик, она бросилась вперед, как птица, с вытянутыми руками. Юноша, забыв о чемодане, выбежал из купе.

Мы переглянулись и отодвинулись от окна вагона, под которым слышались бессвязные слова, прерываемые звуками поцелуев. Что же, эти молодые люди начали хорошо. Так же, как когда-то лет тридцать назад начали и мы сами...

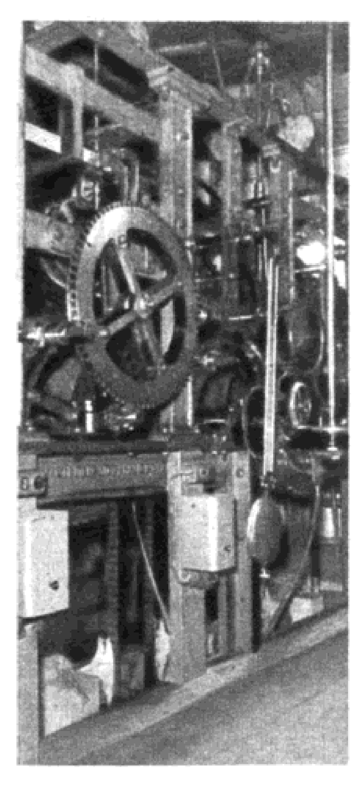

СТАРЕЙШИЕ КУРАНТЫ

Каждые четверть часа с башни собора Петропавловской крепости раздается мелодичный перезвон колоколов, а каждый час бьет колокол. Четыре раза в сутки слышится многоголосый стройный звон многих колоколов, воспроизводящий музыкальную мелодию Государственного гимна Советского Союза.

Впервые куранты Петропавловской крепости были установлены по указу Петра I, но они погибли при пожаре двести лет назад. Нынешний механизм изготовлен в Голландии и привезен в Петербург в 1761 году. Однако голландскому мастеру не удалось завершить работу. Куранты неоднократно переделывались и совершенствовались. Долгие годы часовой механизм заводился вручную, с помощью гири весом в одну тонну, сейчас часы заводятся автоматически.

Куранты размещены в трех этажах колокольни. Колокол, отбивающий часовое

Механизм часов.
Фото А. Михайлова.

время, весит пять тысяч килограммов, а его молоток — шестьдесят четыре килограмма. Мелодию гимна наигрывают двадцать три разных молотка ударами в одиннадцать колоколов. В отверстия музыкального барабана впаяны металлические шипы, которые как бы выполняют роль пальцев, скользящих по клавиатуре. Вращаясь под действием часового механизма, барабан приводит в движение тросы, соединенные с молотками колоколов, и воспроизводит музыкальные звуки нужного тона.

После войны куранты восстановлены советскими инженерами и конструкторами. В создании новой музыкальной гаммы и в настройке колоколов участвовал композитор М. Чулаки.

К. ЧЕРЕВКОВ

Приглашаем на выставку

Три богатыря.

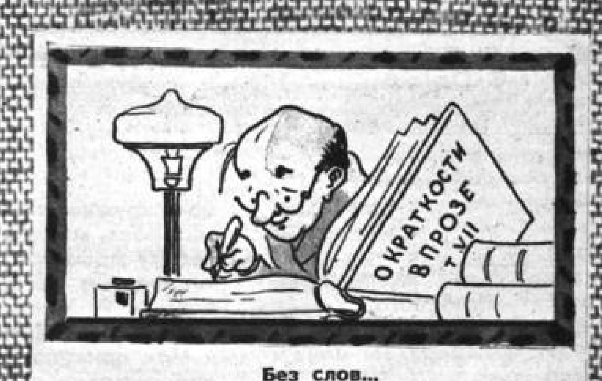

— Иду трудоустраиваться.
В. Кащенко.

Без слов...

ЗАГОТГРИБ

«Живой» укор.
М. Ушац и К. Невлер.

В Москве открылся Центральный шахматный клуб...
Н. Лисогорский.

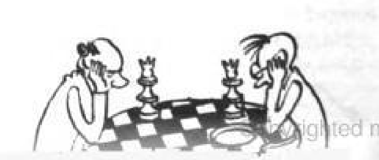

В ПРИВОКЗАЛЬНОМ РЕСТОРАНЕ

— Почему у вас так невкусно готовят?
— А у нас больше одного раза никто не обедает.
К. Васильев.

МЕХАНИЗИРОВАННАЯ ПРОВЕРКА

Когда машина заменяет работу трех человек.

Ю. Черепанов.

ВЕЛЬМОЖА У ВРАЧА

— Что? У меня плохой обмен? Порок сердца?!. А мои заслуги!..

Е. Гуров.

Без слов...

Гр. Оганов (Баку).

Соблазны...

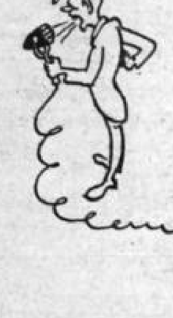
А. Зубов.

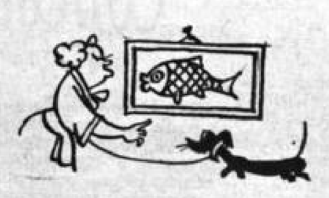
ДОБРЫЙ УРОЖАЙ

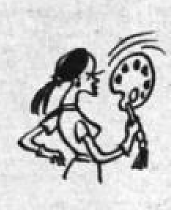
— Мне только одну веточку...
— Пожалуйста.

Л. Ходаков.

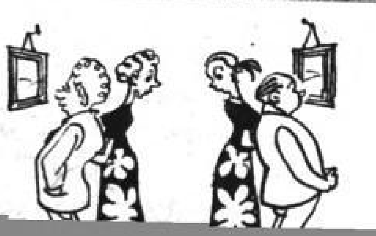

Парад участников.

Трехлетние велосипедисты на дистанции.

Веселые соревнования

Комсомольцы из Львовского горкома комсомола и комитета по физкультуре и спорту организовали веселые соревнования на велосипедах и самокатах для детей.

Собралось много зрителей. Начался парад, в котором участвовало более 300 «спортсменов» — мальчиков и девочек в возрасте от трех до семи лет. Юных «велогонщиков» поздравили секретарь горкома комсомола Опийчук и мастер спорта СССР Смагина.

Соревнования на дистанцию 100 метров открыли велосипедисты на трехколесных машинах. Их сменили более «взрослые» спортсмены — на двухколесных велосипедах, на дистанции 150 метров.

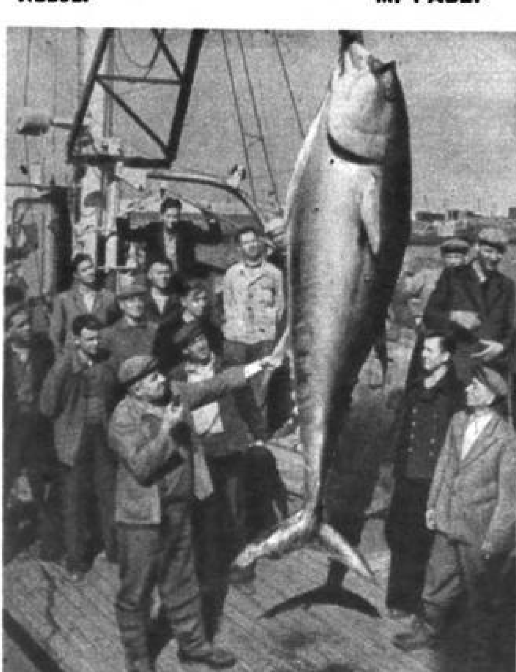
Соревнования закончены. Победителям вручаются призы — коробки конфет.

Много веселых минут принесли эти соревнования и детям и взрослым.

Львов. **М. РАВЕР**

Один из победителей на трехколесном велосипеде, Алеша Ковалишин, получает приз.

Тунец в Черном море

В Одесский порт возвратилось рефрижераторное судно одесского рыбзавода «Арктика». Оно доставило для переработки выловленную у берегов Кавказа ставриду. На борт рефрижератора попал и огромный тунец, пойманный рыбаками рыболовецкого сейнера «Закат» из Новороссийска. Длина тунца — 2 метра 90 сантиметров, вес — 310 килограммов. Это редкая для Черного моря добыча.

Одесса. *Я. ЛЕВИТ*

На вкладках этого номера: репродукции картин П. Никонова «Октябрь», Р. Галицкого «На целине», И. Галицкой «Новоселы», А. Тимофеева «Весна на Ангаре», М. Кенбаева «Песня чабана», Л. Новицкого «Гости» и четыре страницы цветных фотографий.

Редкая медаль

В Ленинграде создается Музей Октябрьской революции. В фондах музея хранится редкая медаль, отчеканенная в честь октябрьских событий 1917 года. На лицевой стороне ее изображение Зимнего дворца. Через арку Главного штаба наступают красногвардейцы, солдаты и матросы. Подпись: «25 Октября — 7 ноября 1917 г.».

На оборотной стороне надпись: «1917. Штурм Зимнего дворца красногвардейцами и солдатами». Внизу ветки из дубовых листьев и скрещенные серп и молот. Медаль исполнена художником-медальером В. В. Голенецким, отчеканена в Ленинграде на Монетном дворе.

К. КОНСТАНТИНОВ

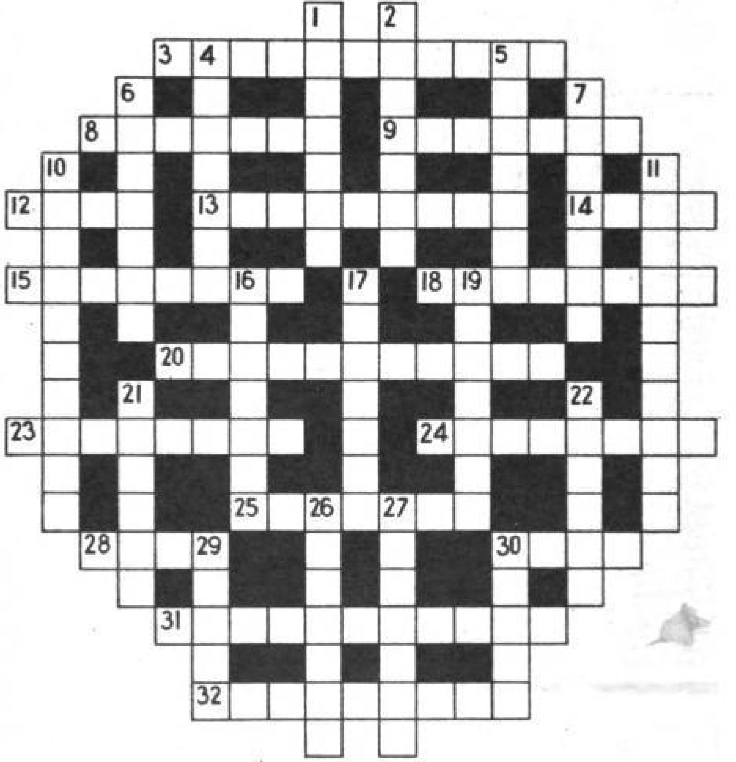
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Взаимоотношение, основанное на искренности и доверии. 8. Стремление к новому, лучшему. 9. Краткое изречение. 12. Орган власти у некоторых славянских народов. 13. Проявление инициативы. 14. Работа по исследованию, эксперимент. 15. Основное население одной из союзных республик. 18. Рыболовное судно. 20. Работник на комбайне. 23. Помещение в библиотеке. 24. Певец. 25. Теплоизоляционный материал. 28. Масличное растение. 30. Кондитерское изделие. 31. Деятельность рационализаторов, передовых людей. 32. Сорт яблок.

По вертикали:

1. Подарок на память. 2. Управление факультета. 4. Очарование. 5. Декоративное растение. 6. Вид полевых работ. 7. Побережье. 10. Естествоиспытатель. 11. Беговые качества породистой лошади. 16. Прибор для слушания. 17. Привлекательные места природы. 19. Совокупность трубчатых частей судна, предназначенных для постановки парусов, сигнализации. 21. Узбекский духовой инструмент. 22. Лента для киносъемок, фотографирования. 26. Деталь часового механизма. 27. Канат. 29. Опора, колонна. 30. Река в системе Волго-Балтийского водного пути.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 44

По горизонтали:

5. Эльбрус. 6. Гурилев. 8. «Семья». 9. «Потоп». 11. Клоун. 14. Стырь. 15. Перелеска. 17. Герман. 18. Алехин. 19. Истец. 20. Гидрография. 22. Конго. 24. Иматра. 26. «Старик». 28. Аспиратор. 29. Памир. 31. Бихор. 32. Базар. 33. Дебет. 34. Варенье. 35. Станина.

По вертикали:

1. Ибсен. 2. Гульден. 3. Пуночка. 4. Силос. 5. Эпилог. 7. Витрен. 8. Сукре. 10. Птаха. 12. Сейсмология. 13. Метеорограф. 15. Партитура. 16. Альтиметр. 21. Намиб. 23. Ортит. 24. Иванов. 25. Асфальт. 26. Совесть. 27. Кромка. 30. Ранет. 31. Бернс.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05898. Подписано к печати 31/X 1956 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 987. Заказ № 2861.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ЗДАНИЕ КОЛОНИАЛИЗМА ТРЕЩИТ ПО ВСЕМ ШВАМ.

Рисунок Бор. Ефимова.

